

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ АРХИТЕКТУРЫ, ДИЗАЙНА И СТРОИТЕЛЬСТВА
Кафедра архитектуры

Д.Д. Иманкулов

**АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ
НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА
(Реставрация. Реконструкция
и сохранение)**

Бишкек 2020

УДК 72
ББК 85.113 (2 Ки)
И 50

Рецензенты:

Р.С. Мукимов, д-р архитектуры, проф., председ. общ. организ.
«Памятники и достопримечательности Республики Таджикистан»,
Р.М. Муксинов, д-р архитектуры, проф., декан ФАДИС КРСУ

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Иманкулов Д.Д.
И 50 АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА (Реставрация. Реконструкция и сохранение). – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2020. – 318 с.

ISBN 978-9967-19-616-2

В монографии раскрыты история формирования, научная и историческая значимость памятников архитектуры Кыргызстана, а также пути ее сохранения.

Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана составляет неотъемлемую часть историко-культурного достояния страны, которое определяет самобытность исторического прошлого народа и является предметом его национальной гордости.

Монография станет отличным источником для изучения дисциплин «История архитектуры Кыргызстана» и «Реставрация и реконструкция архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана» студентами вузов Кыргызской Республики, а также будет интересна широкому кругу читателей.

И 4902010000-18

ISBN 978-9967-19-616-2

УДК 72
ББК 85.113 (2 Ки)
© ГОУВПО КРСУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ	8
Глава 2. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И СТРОИТЕЛЬНОГО ДЕЛА В КЫРГЫЗСТАНЕ	17
2.1. Природно-климатическая среда как фактор развития архитектуры Кыргызстана	17
2.2. Социально-экономические и общественно-политические условия развития архитектуры Кыргызстана.....	24
2.3. Взаимовлияния оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций Центральной Азии.....	31
Глава 3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ КЫРГЫЗСТАНА	45
3.1. Древний этап заселения территорий Кыргызстана. Кочевой и оседлый способы освоения пространства расселения (до VIII в. н.э.).....	45
3.2. Средневековый этап освоения территорий, архитектура государственных образований. Военно-политический, этнический, конфессиональный и культурный факторы и их влияние	64
3.2.1. Средневековые города и архитектура Чуйской долины	97
Глава 4. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ. АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО КЫРГЫЗСТАНА XVII–XX вв.	127
4.1. Великий Шелковый путь – как историко-культурный коридор.....	127
4.2. Архитектура и градостроительство Кыргызстана позднего средневековья до XIX века и нового времени	138
4.3. Архитектура и градостроительство Бишкека XIX – середины XX в.	169
Глава 5. ДРЕВНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ЗОДЧЕСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ИХ СОХРАНЕНИЯ	185
5.1. Природные строительные материалы и их использование в зодчестве Кыргызстана.....	185
5.2. Древние строительные материалы в архитектурном наследии Кыргызстана	190
5.3. Принципы и методы сохранения и использования древних и современных строительных материалов в реставрации памятников архитектуры	206

Глава 6. РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ.....	219
6.1. Опыт реставрации архитектурного наследия Кыргызстана	219
6.2. Научная реконструкция в реставрации памятников Кыргызстана.....	234
6.3. Сохранение и использование архитектурно-градостроительного наследия исторического Бишкека	246
6.4. Концепция сохранения архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана	268
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	280
БИБЛИОГРАФИЯ	282
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ	296
КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.....	298
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	300

ВВЕДЕНИЕ

Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана составляет неотъемлемую часть историко-культурного достояния страны, которое определяет самобытность исторического прошлого народа и является предметом его национальной гордости.

Историческая архитектура Кыргызстана, памятники градостроительства сегодня рассматриваются с позиций преемственности традиций, потенциальных возможностей в формировании современной городской и сельской застройки. Наше отношение к культурному наследию должно рассматриваться с позиций Закона Кыргызской Республики «Об охране и использовании историко-культурного наследия», принятого 26.07.1999 г. и определяющего политику государства в этой области. Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана обладает многими качествами, изучение которых поможет по-новому взглянуть на их значение и роль в историко-культурном достоянии народа.

Зодчество Кыргызстана, как составная часть среднеазиатской архитектуры, прошло сложный путь исторического развития. Объективные процессы истории Кыргызстана определили неравноценные по уровню развития этапы зодчества, немногие из них дошли до нас сквозь века. Но и то, что сохранилось до наших дней, представляет богатое хранилище, каменную летопись судеб народов Кыргызстана.

Недостаточно изученной областью архитектуроведения Кыргызстана является выявление закономерностей развития градостроительства в зависимости от общего исторического развития с одной стороны, и специфических местных факторов – с другой. Исследование своеобразного феномена – городов Чуйской долины Кыргызстана, как и изучение градостроительной культуры других регионов республики, дает архитектурной науке важный материал, позволяющий раскрыть картину градостроительного развития в соответствии с социально-экономическими и природно-климатическими условиями Кыргызстана.

Архитектурно-градостроительное наследие Кыргызстана оказывает все большее влияние на принятие градостроительных решений, содействующих сохранению своеобразия исторического облика поселений. Наследие играет огромную роль в формировании представления населения и общественности о культуре страны, ее роли в мировой культуре.

Использование архитектурно-градостроительного наследия невозможно без развития теории и практики реставрации, реконструкции и консервации архитектурных памятников и исторических поселений. Накопившийся в Кыргызстане опыт реставрации архитектурно-градостроительного наследия требует теоретического осмысления, анализа с методической точки зрения выполняемых работ.

Актуальность исследования диктуется также необходимостью освоения культурных ценностей прошлого, выявления природы преемственности в развитии культуры в целом, архитектуры и градостроительства в частности, поиском позитивных подходов в альтернативах «глобальное-региональное», «традиционное-новаторское» – в связи с интернационализацией культурных влияний и ускоренным разрушением традиций, носителем которых во многом является архитектура и градостроительство Кыргызстана. Все это определяет необходимость научного исследования архитектурно-градостроительного наследия и способов их сохранения на широкой источниковедческой базе.

Основными целями работы являются научное обоснование ценности архитектурно-градостроительного достояния Кыргызстана, раскрытие особенностей исторического

развития архитектуры и градостроительства, определение способов и форм сохранения памятников в современных условиях.

В связи с главной целью ставились следующие задачи исследования:

- классифицировать документально-фактологическую основу, характеризующую основные этапы истории становления архитектурно-градостроительной среды на территории Кыргызстана;
- раскрыть и проанализировать особенности развития зодчества, освоения пространств Кыргызстана с древности до середины XX в.;
- установить вероятный вещественный состав древних строительных материалов, их свойства и разработать ряд способов их консервации;
- на основе экспериментально-теоретических исследований архитектурно-градостроительного наследия в культуре Кыргызстана, предложить принципы, формы и механизмы освоения и трансляции ценностей наследия в современной архитектурно-градостроительной практике, музейно-экспозиционной и туристической деятельности, архитектурно-художественном образовании;
- систематизировать и обобщить опыт развития реставрации в Кыргызстане и его значение в сохранении архитектурно-градостроительного наследия;
- разработать рекомендации по охране, музеефикации и реставрации памятников архитектуры и градостроительства Кыргызстана.

Методологической основой исследования является комплексное изучение памятников архитектуры и градостроительства Кыргызстана, закономерностей их развития. Комплексное изучение архитектурно-градостроительного наследия, условий его формирования основано на таких принципах, как: социально-экономическая обусловленность, последовательный историзм, взаимосвязь между различными этапами в развитии архитектуры, традиции и поступательное развитие.

Архитектура Кыргызстана рассматривается как социально-обусловленная среда, включающая географические, климатические, национальные, религиозные факторы. Комплексный характер исследований обусловил поэтапность проведения работ: натурные исследования (обмеры, документирование) и обобщение материалов.

Натурные исследования выполнены автором в процессе исследований памятников архитектуры и градостроительства в целях реставрации и консервации, а также во время руководства обмерной практикой студентов кафедры «Реставрация архитектурного наследия» КГУСТА.

Архивные исследования проводились в музеях Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, им. А. Щусева и др. Автору в различные годы удалось познакомиться с архитектурным наследием, посетив Турцию, Азербайджан, Грузию, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан. Выявление прогрессивных традиций архитектуры, градостроительства и закономерностей развития проводилось на основе архитектурно-градостроительного анализа, а также сравнительного анализа архитектуры сопредельных стран Центральной Азии, Восточного Туркестана и Среднего Востока.

Практическое и экономическое значение работы видится в необходимости:

- повышения общественного интереса к историко-культурному наследию;
- развития социально-экономического потенциала местных сообществ на основе роста сервисных услуг в туристическом бизнесе;
- развития и популяризации международного туризма, включающего памятники архитектуры, археологии и достопримечательных мест в экскурсионные маршруты;

- воспитания молодого поколения в духе патриотизма и бережного отношения к историко-культурному наследию.

Результаты исследования данной монографии использованы в следующих работах:

- в документации по реставрации архитектурно-градостроительного наследия и разработках проектов зон охраны городов Бишкека, Оша, Сафид-Булана, Красной Речки, Ак-Бешима, Бураны;
- в Международном проекте ЮНЕСКО «Сохранение памятников Великого Шелкового пути в верховьях Чуйской долины Кыргызстана Красная Речка (Навекат), Бурана (Баласагын), Ак-Бешим (Суяб)»;
- при выполнении диссертационных исследований и дипломных проектов по темам «Исследование и реставрация архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана»;
- изданы монографии «Монументальная архитектура юга Кыргызстана» (2005), получившая апробацию на кафедре «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия» КГУСТА и кафедре «Архитектура» Института строительства, архитектуры и экологии им. М.Сатбаева, и отмеченную Дипломом I степени Союза архитекторов Кыргызстана и Дипломом Международной ассоциации Союза архитекторов МАСА (2007), «Древние строительные материалы в зодчестве Кыргызстана» (2007);
- натурные исследования памятников архитектуры и градостроительства использованы в целях реставрации и консервации и для прохождения обмерной практики студентов кафедры «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия» КГУСТА.

Основные положения монографии докладывались и обсуждались на заседаниях Научно-методического Совета Министерства культуры и информации Кыргызской Республики (Бишкек, 1998–2007 гг.), международной научной конференции «Курултай архитектуры и градостроительства тюркского мира» (Анкара, 2007 г.), международной научно-практической конференции «Постоянно нейтральный Туркменистан – ЮНЕСКО: оценка историко-культурных ценностей и определение путей сохранения памятников Всемирного наследия» (Ашхабат–Куняургенч, 2006 г.), международном семинаре «Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии» в Алматы (2006 г.), международном научно-практическом семинаре «Исследование и консервация сырцовый архитектуры» в Иране (Язд, 2003 г.), международной научной конференции «Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность» (Самарканд, 2003 г.).

Глава 1. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Исторические источники, научная литература, материалы экспедиций, восполняющие наши знания в вопросах истории, культуры, архитектуры, градостроительства, искусства, географии, реставрации, охраны памятников и социально-экономической жизни на территории республики, хронологически можно разделить на три периода:

1. Сочинения древних и средневековых авторов по общей истории и географии Кыргызстана и прилегающих в древности территорий.

2. Труды, посвященные истории и культуре Кыргызстана, начиная со второй половины XIX века до 1917 года, восполнившие знания о материальной, духовной и строительной культуре Кыргызстана данного периода.

3. Литература периода Советского Союза и суверенного Кыргызстана, связанная с планомерным изучением историко-культурного наследия республики и вопросами его сохранения и использования.

В трудах арабских и персидских историков-географов IX–XII веков имеются обширные сведения о Кыргызстане. Причиной этому послужили его непосредственная близость с мусульманской территорией Средней Азии и прохождение здесь отрезка Великого Шелкового пути.

О значении этого пути в развитии торговли в Средней Азии, о размещении на нем крупных городов и мелких поселений Кыргызстана много сведений содержится в трудах ал-Истахри, Кудамы Ибн Джафара, Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха, ал-Мукаддаси, Ибн Фадлана, Абу Дулафа, ал-Масуди, Гардизи, Махмуда Кашгари, Махмуда ибн Вали, Мирзы Мухаммеда Хайдара и др. [150, с. 64–65, 69–89]. Можно отметить, что по объему сведений о Кыргызстане труд Кудамы превосходит сочинения всех арабских авторов IX–X веков. В сочинении Махмуда ибн Вали «Море тайн относительно доблестей благородных» часто упоминаются древние города Баласагын, Ош, Узген и др. [210, с. 41–43, 110–115, 121].

Об активной торговле на международном рынке енисейских и тянь-шаньских кыргызов говорит неизвестный автор сочинения «Худуд ал-алам». В отличие от городов северного Кыргызстана немногочисленны сведения о происхождении и развитии городов юга республики (ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, ал-Идриси). Древние города Таласской долины отмечены в трудах ал-Бейхаки, сочинении византийского посла Земарха, Чуйской долины – ал-Мукаддаси, ас-Самани, в словаре Махмуда Кашгари, персидского историка Джувейни. О городах Иссык-Кульской котловины пишет Тамим Ибн Бахр, автор сочинения «Худуд ал-алам».

Культуре, быту, ведению хозяйства и ремеслу посвящены работы ал-Джахиза, ал-Идриси, ал-Марвази, ал-Йакуби, Абу-Дулафа, ал-Масуди. В работе Мирзы Мухаммеда Хайдара «Тарихи Рашиди» впервые упоминается архитектурное сооружение – Таш-Рабат, строительство которого приписывается султану Мухаммеду [27, с. 71]. Раннесредневековые и средневековые источники составляют важную основу, дополняющую археологические исследования о развитии материальной культуры, формировании архитектуры и градостроительства Кыргызстана этого периода.

Первое научное изучение исторического наследия Кыргызстана началось еще в середине XIX века, когда в мае 1856 года была организована военно-научная экспедиция с участием Ч. Валиханова. «Если говорить об архитектуре кыргызов, то надо говорить о надмогильной архитектуре», – писал Ч. Валиханов, который увидел огромное количество памятников мемориального зодчества Прииссыккуля – гумбезов, оградок, балбалов, декоративных стенок [66, с. 253–255]. Он же оставил наброски и краткое описание каравансарая Таш-Рабат в Центральном Тянь-Шане. Кстати, Таш-Рабат является одним из немногих памятников архитектуры, упомянутых в средневековой литературе. Мухаммед Хайдер в своей книге Тирих-и-Рашиди сравнивает Таш-Рабат с постройками Кашмира.

Изучение историко-культурного наследия Кыргызстана до революции носило в основном краеведческий характер. Труды В.В. Бартольда, Ф.В. Фаярково, В.А. Каллаура, Н.А. Северцева, В.Д. Городецкого, Н.Н. Пантусова, А.Н. Фетисова, Н.Л. Зеланда, А. Войцеховича, Мари Бурдон де Южфалвий, Е.А. Маркова, П.П. Иванова, А.И. Тереножкина, В.И. Масальского, В.Ф. Новицкого, А.Н. Куропаткина, А.П. Федченко, В.М. Флоринского, А. Щербиной-Крамаренко, Н.Ф. Петровского, И.А. Кастанье, П.П. Семенова-Тян-шанского, А.Ф. Миддендорфа, Ф.В. Пояркова, Я.И. Королькова и др. во многом способствовали ознакомлению широкой общественности с памятниками истории и культуры Кыргызстана. Как отмечает позже А.Н. Бернштам, в 1889 году в Археологическую комиссию России поступает первый архитектурный обмер башни Бураны с чертежами, выполненными тушью и акварелью от Ф.В. Пояркова, который обследовал памятник в том же году. Однако эти работы не раскрывают историко-культурной ценности памятника, не выявляют их архитектурно-художественных качеств, значения и места в культуре Кыргызстана и Средней Азии. Тем не менее, эти труды имели большое значение для последующих исследований архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана.

На территории Кыргызстана впервые объектом изучения памятника архитектуры с целью его реставрации стал Узгенский архитектурный комплекс, где в 1924 году члены Специальной Комиссии Средазкомстариса Ш. Рахими, Б.Н. Засыпкин, Б.П. Денике, В.А. Красильников выполнили исследования ранее неизвестного памятника. Итогом деятельности комиссии стала оценка историко-культурной ценности памятника в Узгене и рекомендации по его реставрации. Так, впервые в истории реставрационной деятельности в Кыргызстане, памятники архитектуры стали объектами исследования и практических работ по их ремонту и реставрации.

В 1927 году были произведены ремонтные работы на минарете Бурана архитектором М.М. Логиновым. Главной целью этих работ было сохранение минарета от дальнейшего разрушения и где вопросы методики реставрации (с современных позиций) не рассматривались. Тем не менее, выполненные М.М. Логиновым ремонтные работы спасли минарет от полного разрушения, и потому стала возможной его реставрация в 1970-х годах. Консервационная мера в виде навеса над гумбезом Манаса также сохранила ценнейший памятник архитектуры от утраты. К сожалению, такого рода ремонтно-консервационные работы были выполнены только на широко известных к тому времени памятниках архитектуры, в то время как остальная часть архитектурно-градостроительного наследия продолжала разрушаться.

Анализ опубликованных в конце 20-х – начале 30-х годов работ по памятникам архитектуры Кыргызстана показывает попытки выявления архитектурно-художественной ценности наследия, их генезиса и особенности строительных приемов [130, с. 154–159, 115, 189].

Эти исследования положили начало ознакомлению мировой общественности с выдающимися памятниками архитектуры средневекового Кыргызстана, которые до настоящего времени являются объектами изучения и реставрации.

Планомерное изучение архитектурно-градостроительного наследия Кыргызстана начинается с 1937 года, когда Таш-Рабат обследует экспедиция под руководством Б.М. Зимы. В 1940 году на памятнике выполнены обмеры и фотофиксация [139, № 147].

Археологическое изучение Кыргызстана в широких масштабах связано с именем выдающегося ученого А.Н. Бернштама, возглавившего в 1938–1941 годах Семиреченскую экспедицию. Он по заданию Эрмитажа проводит раскопки Кенкольского могильника, обследует долины р. Чу и Таласа с целью выявления и исследования памятников археологии. В 1941 году А.Н. Бернштам возглавил экспедицию по археологическому надзору на строительстве Большого Чуйского канала. Результаты всех этих работ обобщены в его трудах «Археологические памятники Северной Киргизии» (1941), «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала» (1943), «Чуйская долина» (1950).

Позже А.Н. Бернштамом были возглавлены экспедиции Тянь-Шаньская (1944–1946 гг., 1949 г.), Памиро-Алайская (1947–1948 гг.), Памиро-Ферганская (1950–1952 гг.). В итоговой работе «Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая» А.Н. Бернштам охватывает историю Тянь-шаня, Алая, Памира, Ферганы с древнейших времен до средневековья.

Труды А.Н. Бернштама отличаются широта постановки проблем и глубина исторического осмысления археологического материала. Им впервые открыто большинство курганов и поселений в разных историко-культурных регионах республики. Он открыл сакскую культуру Средней Азии. Монография А.Н. Бернштама «Архитектурные памятники Киргизии» стала первым научным трудом, где рассматривается архитектура наиболее известных памятников, их генезис, форма и декоративное убранство. У исследователей архитектуры Средней Азии вызвали неравнозначные оценки утверждения А.Н. Бернштама о происхождении архитектурной формы портала в тюркской среде, роли караханидов в развитии архитектуры Средней Азии X–XIII веков. Необычайно образное сравнение дает А.Н. Бернштам Таш-Рабату, видя в нем окаменелый стан кочевников с большой ханской юртой в центре.

Среди исследователей архитектуры Кыргызстана, зачинателей реставрации архитектурного наследия, особо выделяется своим творчеством Б.Н. Засыпкин, внесший огромный вклад в изучение и сохранение выдающихся памятников: Узгенского архитектурного комплекса, мавзолея Шаха-Фазила, караван-сарая Таш-Рабат. В неизданной рукописи Б.Н. Засыпкина «Выдающиеся памятники архитектуры Киргизии» дается профессиональный анализ архитектурно-художественным качествам, строительным приемам, вопросам датировки памятников Кыргызстана.

П.Н. Кожемяко в середине 50-х годов XX века впервые наиболее полно осветил градостроительные процессы Чуйской и Таласской долин Кыргызстана. Монография П.Н. Кожемяко «Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины», наряду с работами А.Н. Бернштама, положила начало изучению градостроительной культуры средневекового Кыргызстана эпохи расцвета тюркских государств. В книге опубликованы данные по девятнадцати городищам и многим поселениям-крепостям и небольшим тепе Чуйской долины. Он уточнил время возникновения отдельных частей поселений, а также схемы планов городищ в масштабе. П.Н. Кожемяко впервые установил феномен на городищах Чуйской и Таласской долин в виде «длинных» стен-валов вокруг горищ. Отдельные положения труда П.Н. Кожемяко рассмотрены с новых позиций автором данной работы по результатам новейших исследований городища Красная Речка.

Известный археолог Д.Ф. Винник выявил много ранее неизвестных поселений и укреплений в Иссык-Кульской котловине, где им открыты такие же «длинные валы», как в Чуйской и Таласской долинах.

Археологическому изучению памятников Кыргызстана посвящены работы А.К. Кибирова (1955, 1957, 1959). Поселения раннесредневековой истории Чаткальской долины описаны в его книге «Археологические памятники Чаткала», в которой кроме топографии и хронологии даны сведения по строительной культуре.

В монографии «Очерки социально-экономической истории Киргизии VI–начала XIII века» К.И. Петрова проведено статистическое исследование демографической и социальной структуры средневековых городов Чуйской долины с определением численности городов. Подробный анализ структуры поселений и социального состава их жителей на основе более точных данных о площадях и плотности застройки, приведенных в диссертации, дают возможность пересмотреть численность населения городов в вышеуказанной монографии.

Градостроительной культуре Кыргызстана, и Чуйской долины в особенности, посвящены многолетние исследования В.Д. Горячевой. На основе археологических раскопок на городищах Бурана, Красная Речка, Узгенское, Мазарское, изучении источников она внесла много нового в историю культуры средневекового Кыргызстана.

Средневековым поселениям Чуйской долины посвящена кандидатская диссертация С.Я. Перегудовой «Истоки развития градостроительства и архитектуры Чуйской долины в средние века» в 1992 году. В исследовании С.Я. Перегудовой подчеркивается соблюдение в поселениях Чуйской долины традиционной градостроительной схемы – крепость, город, сельскохозяйственная округа, и традиционная для всего древнего средневекового Востока прямоугольная форма городского центра, что не подтверждается исследованиями автора данной работы.

Новый импульс археологическим раскопкам поселений Чуйской долины придали экспедиции на Бурану, Ак-Бешим и Красную Речку с середины 50-х годов. Результаты этих работ изложены в статьях и монографиях Л.О. Кызласова (1959), С.Г. Хмельницкого (1959), Д.П. Зяблина (1961), К.М. Байпакова и В.Д. Горячевой (1983), В.Д. Горячевой (1983), М.Е. Массона, В.Д. Горячевой (1985), К.М. Байпакова, В.Д. Горячевой (1989).

Большой вклад в изучение историко-культурного наследия Кыргызстана внесли О. Караев (1966), А.К. Абетеков (1975–1979), О. Береналиев (1983), В.П. Плоских (1990), В.П. Мокрынин (1979), И.К. Кожомбердиев (1972), В.Я. Галицкий (1980), К. Табылдыев (1991) и др.

В разное время памятники Чуйской долины становятся объектами внимания в обобщающих трудах по истории, градостроительству, искусству и архитектуре Средней Азии и Казахстана (Б.П. Денике (1939), Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель (1965), В.А. Нильсен (1966), А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков (1973), К.М. Байпаков (1988), Г.Л. Семенов, Е.И. Лубо-Лесниченко, В.А. Лившиц, С.Г. Кляшторный, А.М. Камышев (2002). Обобщающие труды изданы по истории и археологии юга Кыргызстана (Ю.А. Заднепровский (1960, 1962, 1981), Г.А. Брыкина (1999), У.И. Исламов (1980).

Если в первые годы Советской власти изучение и вопросы охраны историко-культурного наследия осуществлялось централизованно в рамках среднеазиатского региона (Туркомстарис, Средазкомстарис), то с национальным размежеванием и приобретением форм государственности Кыргызстан самостоятельно решал проблемы сохранения наследия. Первоначально функции госоргана по охране памятников взяли на себя Союз архитекторов Киргизии и Комитет по делам строительства при Правительстве Республики, что не принесло существенных успехов в сохранении наследия. Немалую, если не главную, роль в сохранении культурного наследия сыграли меняющиеся взгляды властей идеологического характера и отношения общества к памятникам.

Особо необходимо в этой связи отметить утраченные архитектурные памятники городов Ош и Бишкек. Древнейший город Средней Азии – Ош – до 1930-х годов имел своеобразный исторический облик, основу которого составляли культовые сооружения: мечети, медресе, мавзолеи, караван-сарай. Вместе с древнейшим историческим памятником Сулайман-Тоо в центре города памятники архитектуры создавали неповторимое и самобытное лицо древнего Оша. Идеологическое давление антирелигиозного характера нанесло непоправимый ущерб архитектурному наследию г. Оша. Среди более сотни разобранных или перестроенных памятников были медресе Алымбека Датки, мечети Афтобачи и у базара на берегу Ак-Буры, парадный портал мечети Рават Абдуллахана, мечеть Тахти Сулейман и многие другие, представлявшие яркие образцы ошской школы архитектуры, которая имела свои локальные черты и отличия от остальной части Ферганской долины.

Жертвой антирелигиозной пропаганды стали культовые постройки Бишкека – мечеть с резными колоннами возле Театра оперы и балета, Никольская и Серафимовская церкви. В результате неграмотной реконструкции площади перед кинотеатром Ала-Тоо была снесена необычайной архитектуры чайхана также с резными колоннами и с расписными потолками. Такие действия в отношении памятников в республике можно объяснить нигилизмом и отсутствием законодательных документов в сфере охраны культурного достояния и равнодушием общественности к проблеме.

Новый этап в деле реставрации, охраны и использования историко-культурного наследия наступает после принятия постановления Совета министров Киргизской ССР от 15 января 1968 года № 6 «О мерах по улучшению охраны памятников, расположенных на территории Киргизской ССР» и образование художественно-реставрационной производственной мастерской при Министерстве культуры Киргизской ССР.

Среди принятых мер в Постановлении Правительства республики уже тогда значилось создание охранных зон памятников, их благоустройство. Однако потребовалось более 30 лет, чтобы появился первый проект зон охраны Западного автовокзала в 1999 году, что свидетельствует о несвоевременном исполнении правительственных документов и мер по сохранению памятников.

Создание централизованной системы охраны памятников с решением вопросов учета, реставрации, использования памятников намного улучшило состояние сохранности наследия Кыргызстана. Впервые созданная специализированная реставрационная организация положила начало развитию реставрации в Кыргызстане на научной основе.

Последовавшая волна реставраций в 70–80-х годах охватила большинство древних памятников архитектуры, что спасло их от исчезновения. В 1988 году издается Постановление Правительства Киргизской ССР от 13 сентября № 331 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов государственной охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры республики», в котором проанализировано текущее положение дел и намечены серьезные меры по улучшению системы учета, реставрации, использования историко-культурного наследия Кыргызстана. Одной из мер охраны архитектурно-градостроительного наследия было решение о разработке историко-архитектурных опорных планов в составе проектов генеральных планов исторических городов. Тогда же впервые были внесены в список исторические города республики: Бишкек, Ош, Узген, Каракол.

К сожалению, реализация этого важного документа не была осуществлена из-за начавшейся в стране перестройки, а затем – распада СССР, как единого государства с отлаженной системой охраны памятников истории и культуры.

Небольшое оживление в реставрации происходит в 2000 году, когда отмечался 3000-летний юбилей города Ош. В этот период произошел «всплеск» гипотетических

воссозданий и вольных реставраций, направленных на обновление памятника, что было связано, насколько можно судить, с идеями национального возрождения, проповедниками которого и должны были стать возрожденные памятники (Домик Бабура на Сулайман-Тоо в г. Ош, мавзолей Тайлак Батыра и др.).

Отсутствие единых теоретических и методологических представлений в реставрации, реконструкции, охране и использовании архитектурно-градостроительного наследия очевидно при сравнительном анализе трудов зарубежных и отечественных теоретиков, видных представителей реставрационной практики.

Особенно это видно на фоне многочисленных и широкомасштабных разрушений памятников под влиянием нигилистических концепций в культуре и по соображениям утилитарного свойства, как на западе, так и в бывшем Советском Союзе, и Кыргызстане в частности. Тем не менее, имеются многочисленные примеры спасения культурного наследия, уникальных реставраций памятников архитектуры с целью их возвращения в сферу культурной жизни общества. В минувшем веке не прекращались споры по вопросам теоретической допустимости применяемых реставрационных методик, так же, как и варварских действий по отношению к памятникам, не подкрепленные какими-либо теоретическим или методологическим обоснованиями.

Все эти коллизии в отношении историко-культурного наследия, в частности архитектурно-градостроительных памятников, относятся и к нашей республике. Проблема усугублялась периферийностью Кыргызстана, где теоретические и методологические проблемы, возникавшие на западе и в центре страны, осознавались намного позже.

Обзор советской и зарубежной литературы по проблемам реставрации, охране и использования архитектурно-градостроительного наследия показывает их сложность и во многом противоречивость подходов в решении задач, стоящих перед исследователем. Известный теоретик П. Гаццоло, подтверждая приверженность мировой реставрационной практики на позициях Венецианской хартии, в то же время констатирует, что практика намного шире и разнообразнее указанных в Хартии правил [88, с. 29].

Теоретические взгляды зарубежных и российских исследователей относительно методов реставрации расходятся в основном в части определения памятников в историко-культурном аспекте, рассматривающие вопрос о ценности наследия, о его значении для культуры. Теория «критической реставрации» Р. Пана и Р. Бонелли отстаивает значение памятника в качестве художественного произведения и предостерегает от трактовки его только как исторического документа.

По Е.В. Михайловскому, в исторической ценности приходится выделять аспекты, требующие разных реставрационных решений. Известный реставратор Г.М. Штендер, теоретически обобщая опыт реставрации Новгородского зодчества высказывает противоречивые суждения, выразившиеся в оправдании гипотетических докомпановок, что не согласуется с его же стремлением увязать выполненные работы с правилами Хартии.

Современная практика показывает многочисленные примеры как за рубежом и в России, а также в Кыргызстане, целостные воссоздания памятников архитектуры вопреки нормам Афинской Хартии (193) и Венецианской Хартии (1964). Первой монографией по истории реставрации стала книга Е.В. Михайловского «Реставрация памятников архитектуры» (1971), в которой автор поставил себе задачу на историческом материале показать, что принципы Венецианской Хартии единственно возможное направление работы с наследием. К этому времени сложились два лагеря – сторонников идей Хартии и приверженцев сложившейся отечественной реставрационной традиции, и вряд ли труд Е.В. Михайловского мог бы изменить сложившиеся подходы к оценке памятников и методов реставрации. Статьи

Е.В. Михайловского, С.С. Подьяпольского, Л.А. Давида, А.В. Ополовникова, А.С. Алтухова, В.И. Балдина, Б.А. Ржаницына, в коллективном труде «Методика реставрации памятников архитектуры» (1977), в целом признавая приоритет «аналитического метода» реставрации в позициях отдельных авторов, отражают и различия взглядов. Сборник под редакцией Д.С. Лихачева «Восстановление памятников культуры» со статьями Е.В. Михайловского и Г.М. Штендера выражают общие мысли авторов, «что наилучшие результаты реставрации получены при сочетании различных методов, закономерно отражающих как сложность самих памятников, так и их многогранную ценность, включающую художественный, эстетический, исторический, градостроительный и многие другие аспекты» [218, с. 32]. Книга коллектива авторов ЦНИИ Теории и истории архитектуры «Современный облик памятников прошлого» (1983) направлена на осмысление и преодоление тех противоречий, которые разделяют сторонников Венецианской Хартии и приверженцев целостной реставрации. В книге «Основы реставрации памятников архитектуры» (1983) С.С. Подьяпольского в основном уделено внимание наиболее фундаментальным устоявшимся позициям и не затронуты дискуссионные вопросы. Все публикации 70-80-х годов XX века, не отвергая основ Венецианской Хартии, искали некие дополнительные положения, которые позволили бы теоретически осмыслить сохраняющийся разброс практических методов реставрации. Очередной сборник «История и теория реставрации памятников архитектуры» (1986) ЦНИИ Теории и истории архитектуры отражает новые взгляды на проблему целостного воссоздания.

По мнению А.С. Щенкова в зависимости от состояния общественной ценности характеристику наследия необходимо делить на иконографию и стилистику памятника. Он считает, что иконография во многом выражается идеологическим, сакральным, историко-мемориальным значениями памятников [336, с. 89–90, 93]. Автор считает необходимым учитывать существующую в обществе потребность в наличии ясной иконографии памятников. Под термином «иконаграфия» понимается объемно-пространственная структура сооружения.

Вопросам историко-культурного наследия, его роли и изучению в современном обществе посвящено огромное количество литературы. Анализ ее показывает существенные различия в подходах определения ценностей памятников архитектуры и градостроительства и вопросах их сохранения, взаимодействия старого и нового в исторической среде. В этой сфере известны значительные работы А.В. Иконникова, А.Ю. Беккера, Р.М. Гаряева, И.И. Ноткина, Ю.В. Ранинского, А.М. Воронова, Т.В. Саваренской, А.В. Бунина, В.Л. Глазычева, А.Г. Раппопорта, А.Г. Габричевского, Р. Вентури, Ч. Дженкса, К. Линча, А. Ригля, К. Гурлитга, Т. Джованиони и др.

Вопросам исторической ценности архитектурного наследия, проблемам консервации, реставрации и реконструкции посвящены работы Б.Н. Засыпкина, И.Э. Грабаря, Е.В. Михайловского, С.С. Подьяпольского, А.С. Щенкова, Л.А. Давида, А. Алтухова, В.В. Косточкина, А.В. Ополовникова, М.А. Ильина, А. Либсона и др.

В реставрационной практике 1970–1980-х годов существовали несколько тенденций. Преобладающим было стремление к целостным реставрациям с максимальной возможностью использовать достоверные данные и сохранением разновременных наслоений. Фрагментарная реставрация, а также консервация в качестве окончательной меры сохранения памятника, применялись значительно реже. Возросло количество гипотетических воссозданий целых памятников.

Практически во всех регионах страны применялся полный набор реставрационных подходов к памятнику, что говорит об общих тенденциях.

Примером использования полного спектра методов реставрации являются палаты Старого Английского двора XVI–XVII веков в Китай-городе в Москве. Здесь четко прослеживается основной принцип работы: восстановление структуры целого, достижение законченности общего вида при фрагментарности реставрации деталей. Для сохранения целостности общей композиции сделаны некоторые гипотетические дополнения.

Спорным и заметным событием 1970-х годов стал опыт воссоздания шатра Воскресенского Новоиерусалимского монастыря в г. Истра. Еще более дискуссионным в 1970-е годы стало воссоздание Золотых ворот в Киеве по проекту Е.И. Лопушинской. Для воссоздания из руин Золотых ворот авторами были использованы два аналога: Золотые ворота во Владимире и Святые ворота Киево-Печерской лавры. Реконструкция Золотых ворот вызвала резкие отклики, как в отечественной, так и в зарубежной реставрационной среде. Считается, что целостные реставрации, подобные Золотым воротам, – это не столько проявление вкусов и взглядов небольшой группы реставраторов, сколько направление, отвечающее определенному общественному заказу [349, с. 645].

Среди других крупных реставраций необходимо отметить работы на мечети Биби-Ханым в Самарканде и комплексе Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, где также были применены неординарные с методической точки зрения решения.

Европейская реставрационная мысль 1970–1980-х годов не привнесла каких-либо новых концепций, если не считать привнесенные появлением постмодернизма новые оттенки в проблематику. В этом отношении характерной является статья В. Пента «Игры с историей» [374], в которой он старается найти место постмодернизму в ряду других архитектурных течений. В. Пент указывает на явление, названное им «антикварным историзмом». По его мнению, обращение новейшей архитектуры к истории есть не только следствие антипатии к современной архитектуре, но и выражение сожаления по утраченным памятникам от войн.

Теоретические споры и практическая реставрация 80–90-х годов XX века не поставили точку в дискуссиях по фундаментальным вопросам теории и методики реставрации. В постсоветский период эти вопросы приобретают прежнюю актуальность в связи с новым взглядом на культуру при возрождении национального самосознания.

Разработка впервые в Кыргызстане научно-проектной документации историко-архитектурного опорного плана в составе генерального плана г. Бишкек в 2003 году ознаменовала прорыв в стагнации вопросов сохранения архитектурно-градостроительного наследия столицы Кыргызстана, где проблема сохранения, реконструкции и использования архитектурно-градостроительного наследия связана с быстрыми темпами реконструкции исторического центра города. Обозначенные проблемы по сохранению самобытного исторического облика Бишкека требуют своего разрешения, в связи с чем предлагается концепция сохранения и использования архитектурно-градостроительного наследия столицы.

С начала 2000 года впервые в республике начинаются научно-проектные разработки по номинации выдающихся памятников истории и культуры Кыргызстана в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

Первым опытом внесения памятников Кыргызстана в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО стала номинация «Иссык-Куль как культурно-природный ландшафт». Группа специалистов, подобранных по принципу междисциплинарного сотрудничества и объединенная в НИПБ «Кыргызреставрация», в течение 2000–2003 годов проводила исследования историко-культурных памятников Иссык-Кульской котловины. Дополнительное изучение ранее известных памятников и достопримечательных мест Иссык-Куля, анализ и мониторинг их современного состояния позволило обосновать выдающуюся

ценность наследия региона в виде культурного ландшафта как совместного творения природы и человека с глубокой древности до современности. Из-за отсутствия средств и общественно-политической ситуации в республике в 2005 году завершение проекта номинации Иссык-Куля как культурного ландшафта в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО приостановлено на неопределенное время.

В настоящее время завершается работа по номинированию Сулайман-Тоо в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО группой специалистов, объединенных в институте истории НАН КР. Кыргызстан заявил шесть памятников в предварительный Лист ожидания Списка всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, среди которых два вышеупомянутых объекта. Внесение выдающихся памятников Кыргызстана в разряд памятников мирового наследия придаст серьезный импульс в деле сохранения культурного достояния в республике, так как включенные объекты должны содержаться в сохранности и использоваться в соответствии с правилами и требованиями, изложенными в документах ЮНЕСКО.

Исследование памятников в процессе их номинирования выявило серьезные проблемы в деле их учета и сохранности. Прежде всего, они касаются вопросов организационного порядка, связанных с соблюдением законодательных актов в области охраны памятников истории и культуры.

Особенно остро стоит вопрос сохранности градостроительного наследия в Кыргызстане. Антропогенные воздействия на территории древних городищ за последние 50 лет, земельная реформа с передачей земли в частную собственность создали предпосылки безвозвратной потери археологических памятников, руин и следов древних городских поселений по всей республике. Критическая ситуация сложилась в Чуйской долине, наиболее развитой в промышленном отношении территории Кыргызстана, где многие памятники археологии безвозвратно утеряны. То же самое наблюдается и в других регионах республики, где из-за отсутствия охранительных мер исчезают памятники не только древних эпох, но и советского периода, ценность которых несомненна. Такое положение с историко-культурным наследием Кыргызстана, наряду с тяжелым социально-экономическим положением в республике напрямую зависит от их изученности в научном отношении. За последние полтора века сделано многое в исследовании историко-культурного достояния республики, и в том числе – архитектурно-градостроительного наследия. Выявленное в свое время архитектурно-градостроительное наследие республики еще не получило достойной оценки. В настоящее время проблема – одна из наиболее крупных и актуальных в архитектурной теории и практике, – предстает в самых различных аспектах, касающихся их сохранения, художественного осмысления и использования в современных целях. Как в сфере градостроительного наследия, так и в области реставрации архитектурных памятников ощущается неполнота круга рассматриваемых проблем. До настоящего времени не проанализирован опыт в области реставрации памятников архитектуры Кыргызстана, не выявлены ошибки, достижения и тенденции.

Вышеизложенные соображения, а также необходимость выполнения обозначенных вопросов, определили направленность диссертации. Подводя итоги главы, можно выделить: несмотря на большое количество трудов в сфере историко-культурного достояния, определенный опыт в деле реставрации и охраны памятников, а также из существующего положения дел, – есть огромная необходимость дальнейшего изучения недостающих аспектов архитектурно-градостроительного наследия, решение вопросов охраны и использования наследия в современных условиях, в анализе и осмыслении работ в области реставрации памятников архитектуры.

Глава 2. УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И СТРОИТЕЛЬНОГО ДЕЛА В КЫРГЫЗСТАНЕ

2.1. Природно-климатическая среда как фактор развития архитектуры Кыргызстана

Первые появившиеся люди на территории Кыргызстана были в родстве скорее с первобытными жителями Северной Индии, чем Африки, Европы и Передней Азии. Условия, в которых жили древнейшие обитатели Тянь-Шаня и других областей Средней Азии, во многом диктовались природными характеристиками. Геологическая эпоха, связанная с появлением первого человека или антропогена, относится к четвертичному периоду.

О том, что следы человека появились на территории Кыргызстана, когда начали таять и отступать льды первого оледенения, свидетельствуют найденные материалы стоянки первобытного человека на берегу р. Он-Арча на Иссык-Куле [236, с. 19–20].

Постоянные совместные поиски пищи, коллективная охота и защита от врагов сплачивали первобытных людей, подавляли звериный инстинкт, способствовали дальнейшему развитию хозяйственной деятельности. Находки в местности Саламат-Булак на западной оконечности оз. Иссык-Куль являются еще одним свидетельством того, что древнейший человек уже прочно освоился на этой территории [338, с. 92–95].

В мустьерский период люди по-прежнему жили в пещерах, однако уже начали сооружать и искусственные жилища [346, с. 84]. В Кыргызстане известен целый ряд пунктов, где обнаружены изделия мустьерского времени – стоянки Тосор на Иссык-Куле и Георгиевский Бугор в Чуйской долине.

Дальнейшее развитие первобытного общества в Кыргызстане, как и в других частях света, происходит в период позднего или верхнего палеолита (40–12 тыс. лет назад). Начинают складываться начальные формы родовой организации. Члены одной и той же родовой общины жили вместе, в одном или нескольких жилищах, составляющих родовое поселение [346, с. 92; 32, с. 49].

Культура мезолитических племен Кыргызстана представлена группой гротов Обишир I–V на юге Кыргызстана. Особые типы каменных орудий позволяют говорить об особой Обиширской культуре [148, с. 21–35]. Мезолитические местонахождения, выявленные археологами в высокогорных районах Кыргызстана (долина Арпа, Сары-Джаз, Торугарт, Чатыркульская и Аксайская впадины) и имеющие абсолютные высоты 2 800–3 500 м, свидетельствуют об освоении древним человеком различных ландшафтных зон и преодолении суровых природных условий.

В конце VII–VI тысячелетии (неолит, новокаменный век) формируется культура оседлых земледельцев и скотоводов, получившая название «джейтунской» [205, с. 18–38]. Племена Чуйской долины, Иссык-Куля, Тянь-Шаня несколько отличаются от племен неолитической культуры Средней Азии и близки к Гиссарской культуре.

Переход неолитических племен гиссарской культуры к скотоводческому хозяйству стал мощным толчком в развитии производительных сил первобытного общества, что в свою очередь привело к его разложению и возникновению процесса сложения новых

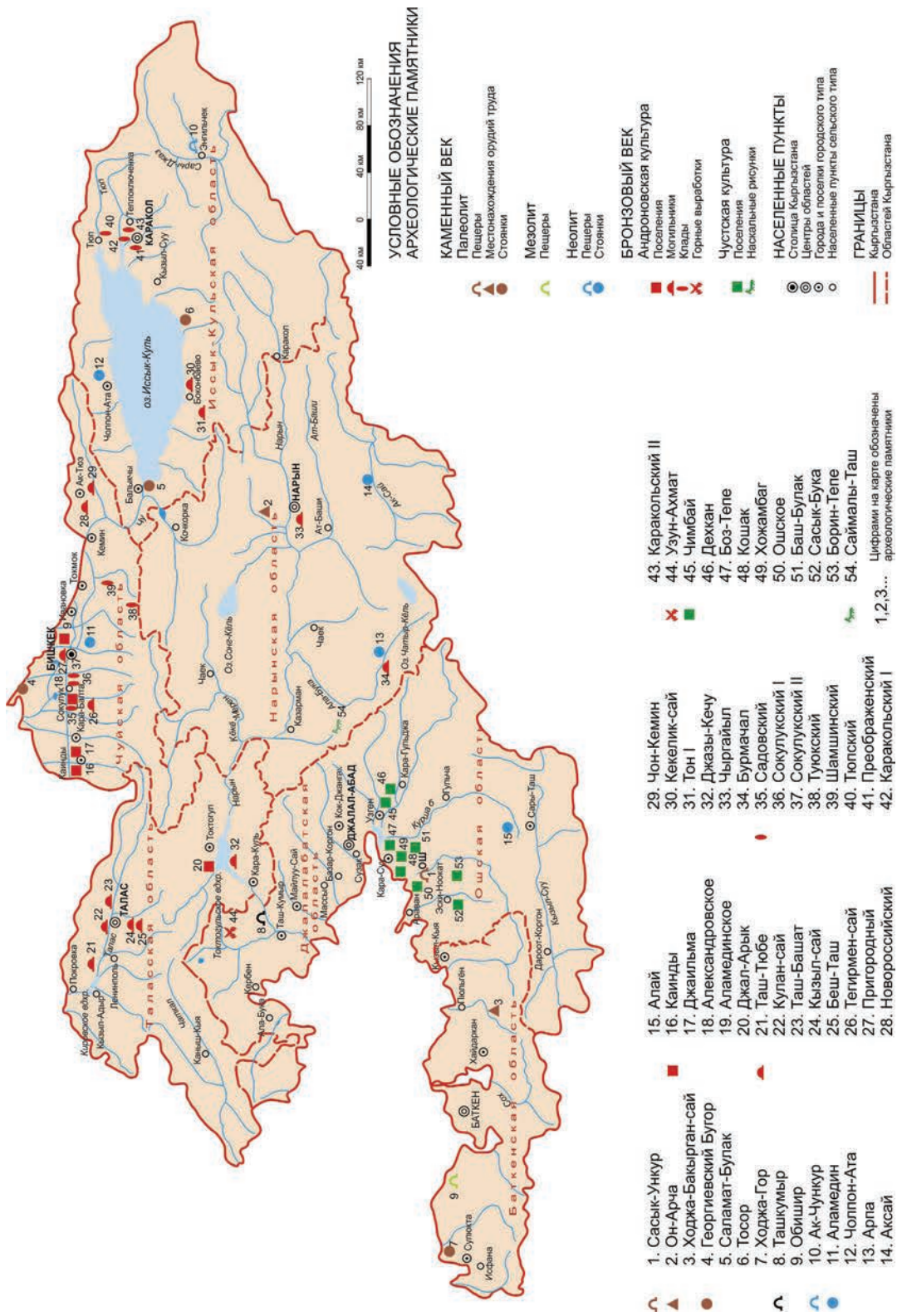

Рисунок 1 – Археологические памятники каменного и бронзового века на территории Кыргызстана

скотоводческо-земледельческих племен в результате обширных продвижений племен андроновской культурно-исторической общности на юг. Племена андроновской культуры, или степной бронзы, занимали в это время огромные пространства Приуралья, Казахстана, Южной Сибири и Севера Средней Азии [287, с. 48].

Памятники бронзового века определенно локализуются на благоприятных долинных территориях с имеющимися плодородными почвами и сетью рек (рисунок 1).

Дальнейшая история освоения территории Кыргызстана связана с усилением контактов населения Тянь-Шаня, Памира, Евразийских степей и Средней Азии. Их активность наиболее проявляется с середины II тысячелетия до н.э., когда в плодородных долинах р. Чу, Таласа, Кетмень-Тюбе, котловине Иссык-Куля, оазисах юга Кыргызстана появляются поселения земледельцев, а высокогорные долины осваивают скотоводы.

Главная особенность, характеризующая территорию Кыргызстана, – это горный ландшафт. Кыргызстан занимает западную половину Тянь-Шаня и часть Памира. Эти две горные системы в пределах Кыргызстана состоят из горных цепей, вытянутых преимущественно в широтном и субширотном направлениях. Горные цепи отличаются резкими высотными контрастами и большим разнообразием форм.

Территория Кыргызстана расчленена сетью долин, наиболее крупными из которых являются Чуйская, Ферганская и Таласская. Заселенные издревле, эти долины в средние века превратились в обширные культурные ландшафты (рисунок 2).

Особенностью Чуйской долины является наличие множества горных рек, стекающих с ущелий Киргизского хребта и составляющих притоки р. Чу. Наиболее многоводными из них являются Кара-Балта, Иссык-Ата, Сукулук, Ала-Арча, Аламедин, Ак-Суу. Эти реки издревле создавали благоприятные условия для развития орошаемого земледелия, появление которого относится к усуньскому времени. Большое количество ущелий, из которых текут реки, представляют собой богатые и удобные пастбища для летних выпасов скота. Все ущелья, как правило, покрыты лесами.

На землях, расположенных на террасах и пологих склонах, развито богарное земледелие. Предгорные и высокогорные территории широко используются издревле для ведения животноводства. Эти же территории богаты диким животным миром, что также являлось одним из условий развития охотоводства.

Весь комплекс природных условий: теплый климат, плодородные почвы, большое количество горных рек, способствовавших развитию ирригационных сооружений, определил раннее развитие обществ в долинах рек и предгорий Чуйской долины. Природные условия одинаково благоприятные как для земледелия, так и кочевого хозяйства, стали причиной их длительного сосуществования. В средние века этот благоприятный природно-климатический фактор станет одной из главных составляющих создания в Чуйской долине одного из наиболее развитых урбанизированных районов в Центральной Азии.

Не менее благоприятной для развития земледелия и скотоводства представляется Таласская долина. Климат, почвы и большое количество водных источников в долине так же, как и в Чуйской долине, благоприятствуют возделыванию большого количества зерновых и технических культур, развитию садоводства и виноградарства. Плодородные пастбища в предгорных и высокогорных участках, занимающие более 80 % площади долины, всегда привлекали людей к занятию скотоводством [154, с. 118].

Еще одна особенность долины – наличие богатых природных ископаемых, издревле привлекала горнодобытчиков. Средневековые города Куль, Шельджи, Текабкет и Сус были связаны с горнодобывающим производством и металлообработкой [73, с. 82]. Таласская

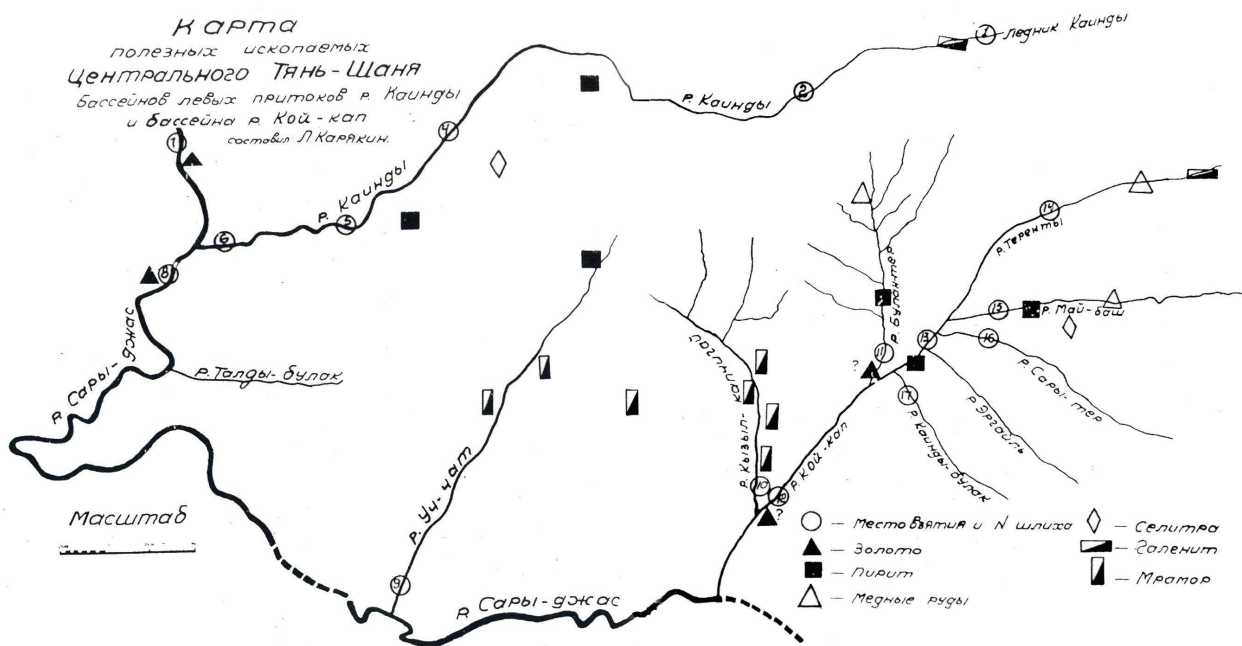

Рисунок 3 – Карта полезных ископаемых Центрального Тянь-Шаня

долина являлась третьим по развитости городских и сельских поселений средневековым регионом Кыргызстана после Чуйской и Ферганской долин (рисунок 3).

Кыргызстан занимает преимущественно юго-западную часть Ферганской долины. Вся эта территория с благоприятным климатом и природными факторами обусловили появление здесь, как и во всей Фергане, наиболее ранних земледельческих центров в Средней Азии. Особенно обилие городских и сельских поселений отмечено в период VI–V вв. до н.э. – V–VI вв. н.э. Сложный горный рельеф этого района определил своеобразие топографии поселений. Оазисное расселение определило специфическую планировку поселений, когда вдоль реки располагается главный город, вокруг которого формируются более мелкие поселения – спутники. Сами поселения, как правило, расположены на высоких адырах и естественным образом защищены с двух или трех сторон обрывом или поймой реки. Сложный рельеф удачно использовался для возведения фортификационных сооружений. Ирригационные сооружения еще в древности широко использовались для орошаемого земледелия. Один из таких каналов до сих пор является главной искусственной водоснабжающей артерией Узгенского оазиса.

Особой, необычной с географической точки зрения и развития человеческих поселений является Иссык-Кульская котловина. На примере этого региона наиболее четко прослеживается формирование своеобразного культурного ландшафта Кыргызстана.

Иссык-Кульская котловина является особым геокультурным регионом Кыргызстана, на примере которого наглядно представлена тысячелетняя история развития человеческого сообщества в создании культурного ландшафта, как совместного творения природы и человека. На примере этого региона Кыргызстана, замкнутого географически и с особыми природно-климатическими факторами, имеющего памятники истории и культуры, начиная с каменного века и до позднего средневековья, являющегося образцом гармоничного сосуществования человека и природы, необходимо остановиться подробнее, т.к. именно культурный ландшафт Иссык-Куля является одной из главных проблем в сохранении историко-культурного и природного наследия страны.

Иссык-Кульская котловина представляет собой неповторимое природное образование, уникальные ландшафты которого сформированы в условиях огромной (22 000 кв. км), замкнутой со всех сторон высокими горными хребтами (4 800–5 200 м) котловины, с крупным незамерзающим озером Иссык-Куль посередине, зеркало которого расположено на высоте 1 608 м над уровнем моря. Вытянутость котловины с запада на восток на 275 км, при ширине 65 км, а также перепады высот, достигающие в пределах котловины 3 600 м, определяют богатое сочетание различных типов ландшафтов, от пустынных до альпийско-луговых и гляциально-нивальных. Особую значимость имеет прибрежная и водная фауна и флора озера Иссык-Куль. В Рамсарской Конвенции (1967) озеро признано местом зимовки водоплавающих и околоводных птиц мирового значения (рисунок 2) [334].

Иссык-Кульская котловина представляет собой целостный природный комплекс, сформировавшийся в условиях ее изолированности от окружающей территории высокими горными хребтами.

В историческое время уровень его был ниже современного более чем на 10 м. Около десятка средневековых городов, расположенных на берегах озера, оказались затопленными в результате трансгрессии, происходившей в XVIII веке. На дне озера можно проследить затопленные ущелья, когда-то образовавшиеся на суше. В далекое время озеро потеряло сток через реку Чу, и его воды стали солоноватыми. На месте бывшего стока долгое время сохранялся мелкий проток Кутемалды, следы которого можно обнаружить и в наши дни.

Иссушение и похолодание климата привели к сокращению лесистости и некоторому обеднению фауны и флоры. Однако сейчас котловина располагает всеми типами наземных экосистем: пустынями, степями, лугами, кустарниками, лесами, а также криофитными вариантами травяных сообществ в высокогорье. Кроме того, здесь представлены относительно молодые озерные и береговые экосистемы, а также экосистемы рек и болот. При относительной замкнутости Большой Экосистемы Иссык-Кульской котловины она может служить своеобразной моделью земной биосферы.

Сочетание огромного незамерзающего водоема (объем около 1 738 куб. км) и поднимающихся в поднебесье гор создает очень сложное и контрастное сочетание ландшафтов. Окруженная со всех сторон горами, котловина с перепадами высот до 3–3,5 км представляет собой уникальный по красоте природный комплекс. Он включает озеро Иссык-Куль с прекрасными песчаными пляжами, величественные скалы Джети Огуз (Семь Быков), фантастические по формам и цветовой гамме горные гряды урочища «Сказка», бурный водопад Барскоон, свыше 100 минеральных источников и неповторимо живописные горные ущелья. В целом для территории характерно разнообразие форм и типов рельефа.

Незамерзающая водная масса озера смягчает континентальный характер климата: прохладная весна, нежаркое лето, теплые осень и зима особенно благоприятны для развития здесь земледелия и курортно-рекреационного хозяйства. Дефицит атмосферной влаги в западной пустынной части котловины делает возможным здесь только орошаемое земледелие. В увлажненной восточной части возможно богарное земледелие. Максимально высокие летние температуры воздуха в курортной зоне не превышают 30–33 °С при максимальном прогреве воды у побережья до 22–26 °С.

Неповторимая природная среда Иссык-Куля в сочетании с многочисленными памятниками истории и культуры, выраженная множеством проявлений взаимодействия человека с окружающей естественной средой, представляет собой культурный ландшафт, как совместные творения человека и природы, как образец освоения человеком пространства котловины с незапамятных времен по настоящее время. Своеобразие памятников истории и культуры и природной среды Иссык-Кульской котловины заключается в том, что все они

относятся к одной историко-культурной группе, что дает возможность включения в Список Всемирного наследия как номинацию из серии культурных и природных объектов.

Как известно, природная среда в условиях докапиталистических формаций обуславливала и типы хозяйства, и направления его развития [233, с. 18–19].

В зависимости от районов обитания населения внутри одной крупной области менялось соотношение двух основных традиционных отраслей хозяйства: скотоводства и земледелия, что сказывалось на развитии земледелия, скотоводства, оседлости и городской жизни.

Большие размеры городов Чуйской долины в пределах так называемых «длинных валов» объясняются не только включением в их структуру сельскохозяйственных участков, но и природными факторами. Эти города занимали лучшие плодородные земли вдоль горных рек, практически перекрывая входы в ущелья, служившими коридорами, через которые проходили пути сезонных кочевий. Многочисленные стада кочевников не могли миновать сельскохозяйственные угодья и усадьбы горожан, стоявшие на их пути. Для защиты своих садов, огородов и посевов население городов вынуждено было строить длинные оградительные стены вокруг этих угодий и усадеб. Такие города тесно соприкасались с кочевниками и были своего рода связующим звеном между оседло-земледельческой средой и кочевым миром.

Большое влияние на формирование архитектуры как Кыргызстана, как и всей Средней Азии, имела сейсмическая активность ее территории.

Сейсмоопасные территории, специфика строительных и природных материалов (глина сырец), климатические условия, помимо социально-этнографических факторов способствовали выработке различных приемов техники и материалов при возведении зданий и сооружений. Среди этих мер можно отметить создание особых оснований для зданий и сооружений в виде плотной платформы из глины, начиная с раннего средневековья. В постройках X–XVIII веков имела распространение конструкция эластичной камышовой прокладки между каменным фундаментом и кирпичными стенами [37, с. 24]. Начиная с XVIII века получает распространение стеновой каркас «сынч» из деревянных конструкций с заполнением из глиняных комьев «гоолек». Особенно антисейсмические приемы использовались при строительстве сооружений башенного типа – минаретов [195, с. 121; 200; 78, с. 81]. Возведение минаретов требовало применения нетрадиционных инженерных приемов при устройстве фундаментов, методов кирпичной кладки, выборе форм и пропорций, использовании строительных материалов [262, с. 198].

Объемно-пространственная структура и планировка зданий и сооружений, возводимых столетиями в разных уголках республики, во многом определены природно-климатическими факторами. Жилища получили благоприятный микроклимат в условиях жаркого лета благодаря устройству внутреннего двора и искусственных водоемов. Созданию благоприятных условий в летнее время способствуют также конструкции айванов и летних открытых террас.

Температурно-влажностный режим обеспечивали купольные и сводчатые конструкции перекрытий, а также толстые монолитные стены. Освещенность и защита от перегрева во многом обеспечивалась ориентацией построек.

От природно-климатических условий напрямую зависели сезонные маршруты кочевников, места выбора зимовок и временных стоянок. Так, например, в летнее время скотоводы отгоняли стада в высокогорные районы до наступления осенних заморозков, а в холодное время года они пребывали в стационарных зимовьях.

Итак, как изложено выше, природно-климатические условия Кыргызстана представляют собой важнейший фактор, повлиявший на освоение его пространств, формирование систем расселения, культурных ландшафтов и архитектуры на протяжении многих тысячелетий.

Современное экологическое состояние окружающей среды во всем мире обращает на себя пристальное внимание человечества, в виду его ухудшения и угроз потери равновесия на весах самосохранения. Особенно тревожна ситуация с уникальными культурными ландшафтами, где сложилась многовековая взаимозависимость человека и природной среды. Историко-культурное наследие Иссык-Кульской котловины вызывает тревогу с точки зрения экологии культуры. Поэтому проблема Иссык-Куля – это экология природы и экология культуры, т.е. одна Экология с большой буквы.

2.2. Социально-экономические и общественно-политические условия развития архитектуры Кыргызстана

Орудия, найденные на р. Он-Арча, говорят о том, что люди, изготовившие их, впервые совместно противостояли силам природы. Охотники и собиратели объединялись в группы по 5–15 человек, а иногда – по 40–70 человек, в зависимости от сезона и вида охоты. Все это способствовало выживанию человека в кардинальных природных условиях четвертичного периода, его дальнейшего развития [346, с. 83].

Следующий этап в развитии первобытного человека на территории Кыргызстана виден на примере местонахождения самого богатого остатками деятельности древнего человека – карьера в долине Капчигай в Ошской области. Здесь, у источника, расположенного у подножья горы, в накопившихся за тысячелетия толщах известнякового туфа – травертина, обнаружены куски кремневой породы, обработанные человеком [237, с. 6–11].

Время больших перемен в технике изготовления каменных орудий, в хозяйстве и общественных отношениях произошли в период верхнего палеолита (40–12 тыс. лет назад). В это время раннеродовые общины представляли собой группу людей, связанных узами родства, общим происхождением и совместной хозяйственной деятельностью. Родовые общины были прогрессивной формой социальной организации общества и обеспечивали подъем культуры первобытнообщинной формации. Среди памятников Кыргызстана верхнепалеолитического периода можно отметить стоянку Ходжа-Гор на юге республики.

Рисунок 4 – Шамшинский клад.
Бронза. Кочкорская долина.
II тыс. до н.э.

Культура мезолитических племен Кыргызстана изучена в ходе раскопок группы гротов Обишир I–V на юге республики. В гроте V обнаружены слои, говорящие о долговременном использовании грота. Найденные археологами совершенные орудия стали свидетельством высокоспециализированного скорняжного производства [148, с. 21–35].

На территории Кыргызстана наиболее полно представлены памятники племен поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.), представленные поселениями, могильниками, кладами бронзовых изделий (рисунки 4 и 5). Найденные археологами места горных выработок, многочисленные изделия металлургии, клады литейщиков позволяют заключить, что в эпоху поздней бронзы у обитателей Кыргызстана происходило обособление ремесла: выделялись специалисты-бронзолитейщики, производившие массовую продукцию на сбыт. Об этом свидетельствует состав II Сокулукского клада, где

имелось большое количество однотипных серпов. Происходило обособление ремесла, что в свою очередь вело к превращению «обмена между отдельными производителями в жизненную необходимость для общества» [346, с. 113].

Государство Давань в политическом отношении представляло собой союз городов-государств или оазисов-государств. Здесь было заметно имущественное и социальное расслоение членов общества. Богатые и знатные семейства, они же правящая верхушка общества, использовали труд рабов. Господствующему классу противостояла эксплуатируемая масса свободных общинников и рабов. Свободные общинники составляли основу воинских образований. В Давани насчитывалось 60 000 воинов [49, с. 454].

Политическая независимость Давани продолжается в I–V вв. н.э., когда вся Средняя Азия находилась в составе Кушанской империи [193, с. 17–19]. Почти тысячелетняя независимость и самобытное развитие древней Давани, подтверждаемая археологическими данными, свидетельствуют о преемственности развитой культуры древних земледельцев. В многовековой истории Ферганы после прекращения жизни на чустских поселениях в VIII–VII вв. до н.э. выделены четыре исторических периода: Эйлатанский (VII–IV вв. до н.э.), Шурабашатский (IV–I вв. до н.э.), Мархаматский (I–IV вв. н.э.) и Гайраттепинский (V–VI вв. н.э.). Созданная в эти периоды самобытная культура Ферганы стала основой в формировании последующих раннефеодальных государств.

Новая социально-экономическая ситуация наступает в период освоения другого способа хозяйственной деятельности – кочевого скотоводства. В это период происходит переход к кочевому скотоводству и сложение раннекочевнических обществ. Кочевое скотоводство было основано на сезонном чередовании травостоя. В летнее время, когда в долинах и предгорьях трава выгорала, кочевники перегоняли скот на высокогорные пастбища. В результате в предгорных районах сложилась система кочевания, получившая название вертикальной.

Сохранившийся на протяжении тысячелетий древнейший способ вертикального пастушества в Иссык-Кульской котловине является одним из критериев значимости культуры региона как памятника гармоничного существования человека и природного окружения.

Переход к кочевому скотоводству стал решающим рубежом, определившим начало новой исторической эпохи со специфическими формами общественного быта, культуры и идеологии [112, с. 19–29]. В среде раннекочевнических обществ происходит коренная ломка всего быта, зарождаются новые формы традиционной культуры. Уже на самых ранних этапах своего развития кочевнические общества нередко подчиняли себе оседлые оазисы и образовывали сильные военно-политические объединения, своего рода «военные империи». Союзы племен, известные еще с эпохи бронзы, перерастали в общества с определенной централизацией власти [197, с. 312–315]. В VI в. до н.э. известны такие военно-политические союзы, как саки во главе с Зариной и массагеты под предводительством Томирис [173, с. 175–180].

Огромные имущественные расслоения, достигшие наибольшего масштаба в раннекочевнических обществах, порождали большие различия в социальном положении кочевников.

Рисунок 5 – Орнаментированная посуда. Кетмень–Тюбе. V–III вв. до н.э.

Величественные сакские курганы в царских могильниках посвящались предводителям племенного союза и его приближенным (рисунки 6–10). По подсчетам М.П. Грязнова, в обряде захоронения предводителя в царском кургане Аржан участвовало до 10 000 человек [113, с. 2].

Положение социального строя усуней можно объяснить имущественной дифференциацией, которая достаточно ярко показана разнообразными типами захоронений. Среди курганов имеются огромные намогильные насыпи с богатым инвентарем и золотыми предметами с одной стороны и бедные захоронения под скромными курганными насыпями с – другой, которые наглядно демонстрируют имущественную дифференциацию. Как правило, усуньские курганы расположены компактно, вытянутыми в цепочку. Обычно большие курганы родовой знати стоят особняком в пределах могильника.

То же самое происходило и с земельной собственностью. Богатые кочевники фактически становились более крупными собственниками территорий. Постоянные войны из-за территорий пастбищ, охрана собственности (стад) способствует развитию военной организации кочевников.

В первых веках новой эры события, связанные с Великим переселением народов, коснулись Кыргызстана. В этот период происходят значительные изменения во всех сферах

Рисунок 6 – Курганы сакского времени

Рисунок 7 – Могильник Джазы-Кечу

Рисунок 8 – Наскальные изображения в местности Саймылы-Таш

Рисунок 9 – Бронзовый светильник сакского времени

жизни. Сложной становится этническая картина Тянь-Шаня и Семиречья. На первый план выходят племена так называемой кенкольской культуры.

Долина Таласа стала первым регионом Семиречья, сплошь заселенным племенами кенкольской культуры. Позже кенкольские племена появились в Чуйской долине, Кетмень-Тюбе, Западной Фергане, Ташкентском оазисе. Памятники кенкольской культуры, открытые в местах обитания племен, свидетельствуют о своеобразной и высокой культуре их носителей и социальной дифференциации членов общества. Например, поражает богатством одно из захоронений в могильнике Джалпак-Добе в Алайской долине, где найдена маска из тонкого листового золота. Здесь же в долине найдена серия ювелирных изделий – золотой медальон с вставным гранатом и зернью по краям, золотые бляжки, перстни. Все они представляют высокохудожественные образцы полихромного стиля [2, с. 308].

По мнению А.Н. Бернштама, памятники кочевых и полукочевых племен Семиречья и Тянь-Шаня, родственные кенкольской культуре, были связаны с гуннами, и этот период являлся началом тюркизации Средней Азии [160, с. 82].

В I–V веках наблюдается повсеместное запустение древних городских центров Средней Азии: Термеза, Афрасиаба, Хорезма, Ферганы. Причиной этому является переход к новым экономическим отношениям – феодализму. В этот период появляются многочисленные укрепленные жилища сельского населения и замки аристократии. Прежняя городская жизнь замирает до раннего средневековья, когда в персоязычных и арабских источниках описываются повсеместное строительство кешков, а затем – и появление новых городов [231, с. 18]. В I–V веках начинает складываться особый

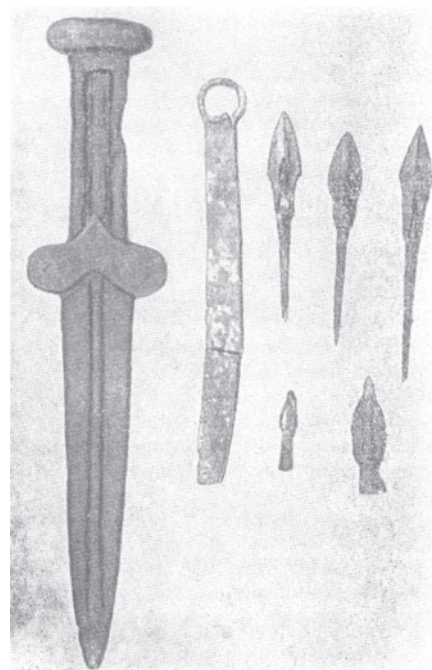

Рисунок 10 – Предметы вооружения сакского времени

тюрко-согдийский культурогенез в Чуйском, Таласском, Иссык-Кульском и др. районах Семиречья на основе тесного взаимодействия кочевых и полукочевых племен и эмигрантами из Согда. «Именно с этого времени IV-V вв. н.э. еще более углубляется органическая связь кочевников-тюрок с оседлыми районами Средней Азии, проявляющаяся в двух формах: 1) в зависимости многих областей Средней Азии от кочевников и 2) в колонизационной струе оседлого населения в среду кочевников» [49, с. 456].

По некоторым данным, проникновение согдийцев в Чуйскую, Таласскую и Иссык-Кульскую долину относится к первым векам н.э. Возможно с этого времени в благодатных землях Семиречья, занятых тюркскими племенами, согдийцы начинают новую жизнь, строя первые кешки и валы поселений рядом со стоянками и поселениями кочевников [231, с. 18].

В VIII–X веках повсеместно в Средней Азии, в том числе в Фергане и Семиречье, складывались благоприятные условия для развития феодальных отношений.

На феодальные отношения в древнетюркском кочевом обществе, как и среди оседлого населения, большое влияние оказывала форма земельной собственности. Лучшие пастбища находились в руках кочевой аристократической верхушки. Летопись свидетельствует, что тюрки «постоянно меняли свое местожительство, однако же каждый сохранял за собой собственную область» [161].

В VI–X веках тюркоязычные племена Чуйской долины и Тянь-Шаня были в основном скотоводами, хотя немалая часть, как было сказано выше, оседали и пополняли городские и сельские поселения. Неизвестный автор «Худуд ал-Алам» сообщает: «Некоторые карлуки являются охотниками, некоторые земледельцы, а некоторые пастухи» [346, с. 264]. Источники, а также археологический материал, воссоздают картину социально-экономического строя средневековых поселений Кыргызстана.

В IX–X веках бурный рост городов, поселений и крепостей, связанный с освоением новых участков, горнорудных промыслов и опять-таки с оседанием кочевников, характерен и для горных районов. На XI–XII века приходится наибольший расцвет социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Караханидского общества.

Выход на историческую арену монголов в начале XIV века оказало огромное влияние на судьбы всех народов и государств Средней Азии. Монгольские полчища, пройдя по Средней Азии, огнем и мечом оставляли после себя разоренные города и селения, сотни тысяч убитых и уведенных в рабство жителей.

Рисунок 11 – Красная речка. Осуарий. VII–VIII вв.
В форме и в деталях осуария переплетены традиции кочевой и стационарной архитектуры

Территория Кыргызстана вначале входила в состав улуса Чагатая. Последующая длительная борьба междуособная борьба Чингизидов принесли новые бедствия населению Кыргызстана и всей Средней Азии. Образование самостоятельного государства Хайду в восточной части Средней Азии во второй половине XIII века было исторически закономерно, как и распад Монгольской империи. Ослабление власти всемонгольских ханов способствовало некоторому возрождению хозяйственно-экономической жизни покоренных стран.

После образования государства Хайду здесь не прекращались междуособные

войны за власть наследниками Чингисхана. На обширной территории Моголистана в XIV–XV веках существовали разные, фактически самостоятельные феодальные владения. Амир Тимур, захвативший к тому времени (1370) власть во всем Мавераннахре предпринимает походы по захвату Моголистана. Двадцатилетняя попытка покорения территорий Моголистана не принесла успеха, хотя сопровождалось разгромом селений и грабежами населения. Многочисленные племена Моголистана вынуждены были укрываться в высокогорных местах, а также на Алтае, а затем возвращаться назад. После смерти Тимура (1405), несмотря на политическую зависимость Моголистана от Тимуридов, здесь продолжалась борьба между племенами за власть.

После падения последнего тимурида Бабура политическое господство в Моголистане переходит в руки кыргызских и казахских феодалов. С этого периода происходит борьба кыргызских родоплеменных объединений за свою независимость во главе с Мухаммед-кыргызом, пытавшимся путем войны и компромиссов укрепиться на Тянь-Шане.

В начале XVII века взаимоотношения кыргызских и казахских феодалов с калмыками (ойрат-монголами) продолжали оставаться напряженными, чередуясь с попеременным успехом в междоусобице. Неблагоприятная военно-политическая обстановка на Тянь-Шане вынудила некоторые кыргызские племена переместиться в Восточный Туркестан и Фергану. В первой половине XVIII века начался процесс ослабления Джунгарского ханства, следствием чего стал захват Восточного Туркестана Цинским Китаем, умело воспользовавшимся междоусобными войнами могольских, калмыкских и кыргызских феодалов.

Тем временем начался захват земель Кыргызстана, усилившимся к тому времени Кокандским ханством [177]. В 1862 году кокандские войска захватили Ош, Узген. В начале XIX века Кокандское ханство присоединило к себе Ташкент и устремилось в Семиречье и Тянь-Шань, присоединение которых окончательно произошло в 1831 году [346, с. 499].

Социально-экономическое положение Кыргызстана в составе кокандского ханства оставалось тяжелым. Народ был вынужден заниматься в основном скотоводством, которое было экстенсивным, тогда как земледелие – малопроизводительным. В 50–60 годы XIX века усилилась борьба кыргызских племен против кокандского ханства. В 1862 году Чуйские кыргызы с помощью русских войск во главе с генералом Г.А.Колпаковским захватили крепость Пишпек. Усилившееся повстанческое движение в 1863 году способствовало освобождению почти всех городов от кокандцев, кроме Ташкента и Коканда.

Ориентация кыргызских феодалов на российскую империю и стремление освободиться от кокандского ига, а также опасение экспансии Китая, в итоге привели к присоединению Кыргызстана, как и всей Средней Азии, к России во второй половине XIX века.

Присоединение к России стало важным историческим событием в истории Кыргызстана. Оно способствовало прекращению войны и раздоров как между кыргызскими племенами, так и с соседями. Этот важный период в судьбах среднеазиатских народов повлек за собой серьезные изменения в их социально-экономической, политической и культурной жизни. Хозяйственная жизнь начала стабилизироваться, были устранены замкнутость и разобщенность между регионами Средней Азии и России. «Объединенные в одном Российском государстве народы Средней Азии, Казахстана, Сибири, Поволжья, Кавказа развивались в рамках растущего единого хозяйственного целого, сближаясь между собой и с русским народом, как в хозяйственном, так и в культурном отношениях» [270].

Постепенно жизнь присоединенных регионов Кыргызстана, как и всей Средней Азии, начала стабилизироваться. Развитие хлопководства в Туркестане увеличило число южных кыргызов, занимающихся земледелием. «Быстро развивающаяся во всех отношениях жизнь

Рисунок 12 – Кыргызский айыл в горах XIX в.

Аналогичный процесс роста населения происходил на севере Кыргызстана – в Таласской, Чуйской долинах, в Иссык-Кульской котловине. Появлению новых поселений способствовало также переселение из России и Украины большого количества крестьян в поисках новых плодородных земель и благоприятного климата. Наиболее крупными из поселений конца XIX – начала XX века были уездные центры Токмак, Пишпек и город Каракол на восточном берегу оз. Иссык-Куль. Большое количество крупных и мелких сельских поселений появились вдоль крупных торговых дорог в Чуйской, Таласской и Иссык-Кульской долинах, несмотря на то, что Великий Шелковый путь, проходивший здесь с V по XV век, перестал функционировать. Эта дорога продолжала традиции Шелкового пути и использовалась как средство коммуникации как внутри Кыргызстана, так и для связей с сопредельными странами (Китай, Казахстан, Узбекистан и др.).

Победа Великого Октября и установление Советской власти в Кыргызстане и др. республиках Средней Азии открыли новую страницу в истории народов Средней Азии. Кыргызстан в первые годы после Октябрьской революции был еще чисто аграрной страной. Политика молодого советского государства по развитию отсталых национальных окраин дало толчок по ускоренному хозяйственному освоению Кыргызстана, как и др. национальных республик Советского Союза.

Административно-политические преобразования, сложение государственности в рамках единого СССР способствовали быстрому развитию промышленности, сельского хозяйства за счет коллективизации,

Рисунок 13 – Рядовая кыргызская юрта конца XIX в.

в Ферганской области с ее интенсивной культурой хлопка заставляет кочевников постепенно оседать на землю» [19, с. 176].

Упадок скотоводства в последней четверти XIX века также способствовал интенсивному оседанию южных и северных кыргызов (рисунки 12–13). Увеличение численности населения, перешедших к земледелию, повлекло быстрый рост поселений в основном за счет жилого домостроения. В официальных источниках сообщается, что к концу XIX века 65 % кыргызов в Ферганской области были оседлыми и занимались земледелием [120, с. 5].

ускоренному расширению существующих поселений и строительству новых городов и селений. В экономическом и культурном развитии Кыргызстана начала XX века большую роль сыграла помощь со стороны других республик и, прежде всего, Российской Федерации.

Сложность и особенность становления архитектуры и градостроительства в первые годы советской власти заключается, прежде всего, в преодолении отсталости окраины

царской России, в необходимости перехода от старых форм хозяйствования к социалистическому хозяйствованию, коллективизации и индустриализации. Развитие архитектуры и градостроительства тормозились множеством факторов – отсутствием квалифицированных кадров и промышленности строительных материалов, неразвитостью строительной индустрии.

Однако эти трудности постепенно преодолевались, расширялись и строились новые предприятия, коллективизация сельского хозяйства приносила свои плоды, увеличивался потенциал специалистов за счет приезда из центральных районов страны и обучения местных кадров.

Первый этап развития советской архитектуры Кыргызстана берет начало в послереволюционные годы и заканчивается к началу тридцатых годов.

2.3. Взаимовлияния оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций Центральной Азии

Взаимодействие оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций уходит своими корнями вглубь тысячелетий, тем важнее изучение этого процесса для понимания современной культуры суверенных стран Центральной Азии на этапе этнокультурного возрождения.

Проблемы взаимовлияния и взаимодействия кочевой и оседло-земледельческой цивилизаций еще далеки от разрешения. Попытки трактовки проблемы с позиций концепции этноцентризма еще не изжиты. Изучение и критический анализ динамики научной мысли в области исследования культурных контактов дает возможность найти наиболее верный подход к трактовке процессов взаимодействия кочевой и оседлой культуры и, в частности, архитектуры.

Взаимовлияние кочевников и земледельцев давно стали предметом исследований известных ученых в истории Средней Азии – А.Ю. Якубовского, С.П. Толстова, А.Н. Бернштама и др. Еще в середине прошлого века С.П. Толстов писал: «Было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации оазисов Средней Азии продукт развития только земледельческих оазисов. Лишь, исходя из «первого значительного труда между кочевниками и земледельцами, можно объяснить данный расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивавшихся как связующее звено между обеими главными отраслями экономики древней Средней Азии – скотоводческих хозяйств степей и земледельческих хозяйств оазисов» [295, с. 275].

Истоки взаимовлияния культуры и искусства оседлых и кочевых народов лежат в глубочайшей древности. К этому времени (VI–VII вв. до н.э., прим. Д.И.) киргизы были тесно связаны со многими странами – Китаем, Средней Азией, Ираном, – поэтому и в их искусстве мы наблюдаем влияние культур этих стран. Ярким примером этого положения являются богатые находки на Енисее, добытые стараниями археологов Л. Евтюховой и С. Киселева в 1939 году в местечке Копены в Минусинском крае.

Среди золотых и бронзовых вещей обращает на себя особое внимание набор литых односторонних бронзовых украшений на чепраке седла. Они изображают всадника на лошади, который, обернувшись назад, стреляет в нападающего на него барса.

Вокруг всадника мечутся испуганные охотником звери – лань, козерог, кабан. Над всадником дано изображение в китайском стиле: облако, под ним горы, покрытые лесом. Не меньший интерес представляет богатый накладной ажурный орнамент, сделанный с ювелирным мастерством на золотых сосудах. Среди растительной вязи вплетены птицы: грифоны, утки, тесно связанные со всем орнаментальным убранством сосуда. Мастерство

Рисунок 14 – Ак-Бешим. Бронзовые бляшки позолоченные. Пер. пол. VIII в.

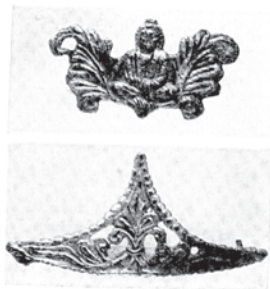

Рисунок 15 – Ак-Бешим. Бронзовые бляшки. Пер. пол. VIII в.

Копенских находок имеет свои близкие параллели в вещах из района с. Кочкор на Тянь-Шане, случайно обнаруженных в конце XIX века и хранящихся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Несомненно, что общность сюжетов в искусстве Переднего Востока и енисейских киргизов с одной стороны, енисейских киргизов и Китая – с другой, была достигнута в результате культурно-творческих взаимоотношений. Это еще более увеличивает познавательную ценность находок, документирующих международные связи киргизов в древности. Значение этих находок заключается в том, что они дают право предполагать, что иранские влияния в Китае осуществлялись посредством киргизов, которые были также в тесных связях с Семиречьем (Тянь-Шань), где ярче всего проявлялось скрещение этих двух великих цивилизаций» [50, с. 533]. Как видно из цитаты А.Н. Бернштама, культурные связи кыргызов Енисея проявились уже с эпохи бронзы. Еще более тесные взаимосвязи кыргызов, как и всех тюркоязычных народов, с культурами Китая, Ирана, Индии и Византии проявились в раннем и развитом средневековье на примере Семиречья. Семиречье было своеобразным районом. Как в Византии в синкретическом искусстве сплелось неразрывное искусство Запада (и не только Рима) и Востока (и не только халифата) и все это было осложнено влияни-

ями кочевников севера – от гуннов до печенегов, так и в Семиречье и Тянь-Шане сплелось искусство Запада (особенно Согда и Ферганы) и Востока (прежде всего северного Синьцзяня), осложненное искусством Алтая и Енисея. И подобно тому, как в византийском искусстве наблюдаются традиции античности, породившие «византийский антик» – в Семиречье чувствуется влияние сакского искусства, на основе которого и расцвело синкретическое искусство тюркского каганата VI–VIII веков (рисунки 14–20) [50, с. 583].

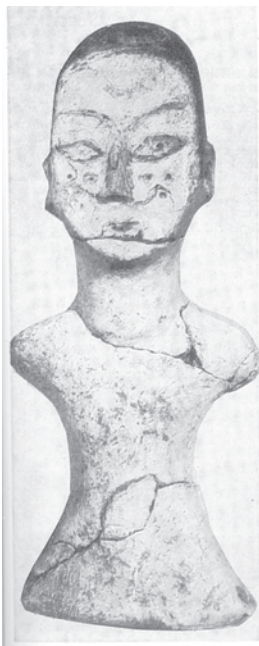

Рисунок 16 – Антропоморфная скульптура (идол) из алебаstra (V–VI вв.)

Средневековая городская среда всегда была синтезом культур, сложившихся исторически и географически в ходе взаимодействия земледельческих оазисов с кочевой и полукочевой степью. В это взаимодействие были вовлечены представители разного этнического происхождения и религиозного мировоззрения [208, с. 24]. Памятники архитектуры Центральной Азии впитали в себя опыт и традиции, вкусы и мироощущения,

17. Сукулукское городище.
Индуистское божество. Бронза.
VIII в.

18. Кашмир. Ваджрахункара.
Бронза. VIII в.

19. Новопокровское городище.
Бодхисаттва. Позолота и бронза.
VIII-X вв.

20. Новопокровское городище.
Авалокитешвара. Позолота и бронза.
VIII-X вв.

Рисунок 21 – Тянь-Шаньское подражание китайским зеркалам танско-сунского времени

мастерство и талант как оседлых, так и кочевых обитателей историко-региона, известного широкими связями с другими культурными центрами древности и средневековья.

Как известно, средневековая культура Кыргызстана формировалась на основе традиций ранних кочевников и оседло-земледельческой Ферганы. Кочевые племена тюрков привнесли новые культурные традиции с развитием феодализма, что в большой степени повлияло на рост городов и селений чу-таласского междуречья Кыргызстана. Большое количество оседавших тюрков-кочевников в городах ускорило сближение и взаимовлияние кочевой и земледельческой культур и, в конечном итоге, привело к преобладанию тюркского населения в городах. Археологические находки на средневековых городищах наглядно показывают этнический состав городских поселений, их культуру и своеобразие (рисунки 21–25).

Сложную мозаику взаимовлияний различных ветвей искусства наиболее полно выразил А.Н. Бернштам. «Учитывая, что здесь уже имел синтез скифо-сакской ветви искусства в его творческом проявлении и восточ-

но-иранской ветви в согдийской культуре, мы не можем не признать, что трудно найти более грандиозное смешение культур всех четырех главнейших линий восточного искусства: сако-тюркско-шаманистского, согдийско-зороастрийского, исламо-мавераннахрского и буддийско-китайского. Древнейшая традиция и навыки, процветавшие в Семиречье, беспрестанно обогащавшие местную культуру заимствованиями и творческими переработками, послужила причиной того, что все эти влияния проявлялись здесь очень свободно, и сквозь эту массу влияний местное искусство показывало свое лицо в выразительных и самобытных произведениях».

Местное искусство, никогда не терявшее свое лицо, постепенно приобретало черты своеобразия и завершенности, становясь основой для появления новых видов декоративных приемов в архитектуре. «Вещи из Семиречья нельзя ни с чем спутать – они индивидуальны. Здесь внешние влияния подчиняются законам страны. Здесь «гость хозяину не указчик»» [50, с. 617].

Глубокое изучение А.Н. Бернштамом искусства Семиречья убедительно доказывает точку зрения, высказанную Гуммелем, поддержанная Б.Н. Засыпкиным и Э. Дицем [50, с. 588] о происхождении резной терракоты от резьбы по дереву кочевников [133]. Действительно, наиболее ранний и развитый архитектурный декор в виде резной терракоты мы видим на мавзолеях Узгена, Тараза, а сложнейшую по технике исполнения и композиции отделку из резного ганча мы видим на мавзолее Шаха-Фазила. «Здесь, в Семиречье, исторически сложились обстоятельства (взаимоотношения тюрков и согдийцев), которые способствовали развитию этих случайных навыков в традиционных приемах мастерства, ставших как бы узаконенными и нашедшими свое распространение в неполивных изразцах караханидского портала, столь хорошо отраженных в гумбезах Узгена».

Государство Караханидов, покорившее среднеазиатское междуречье, стало высочайшим примером взаимовлияния и взаимодействия или наивысшим выражением этого культурного синтеза [200, с. 8; 152, с. 94–101].

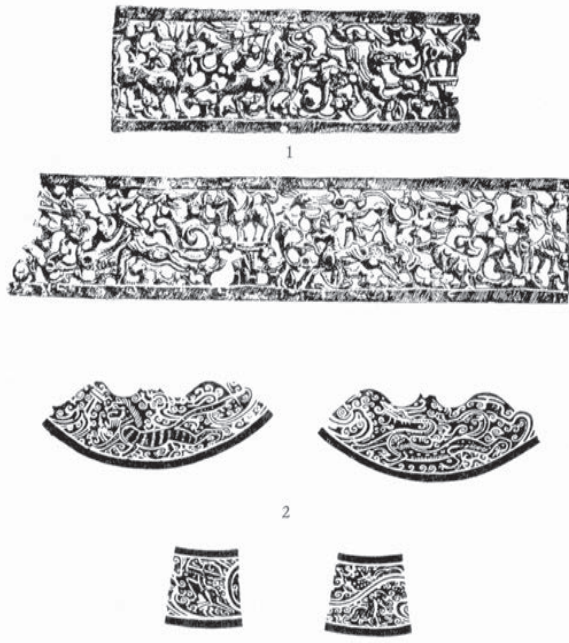

Рисунок 22 – Тянь-Шань:
предметы искусства: 1 – каргалинская диадема;
2 – инкрустированное бронзовое блюдо
эпохи Старших Хань из коллекции Лоо

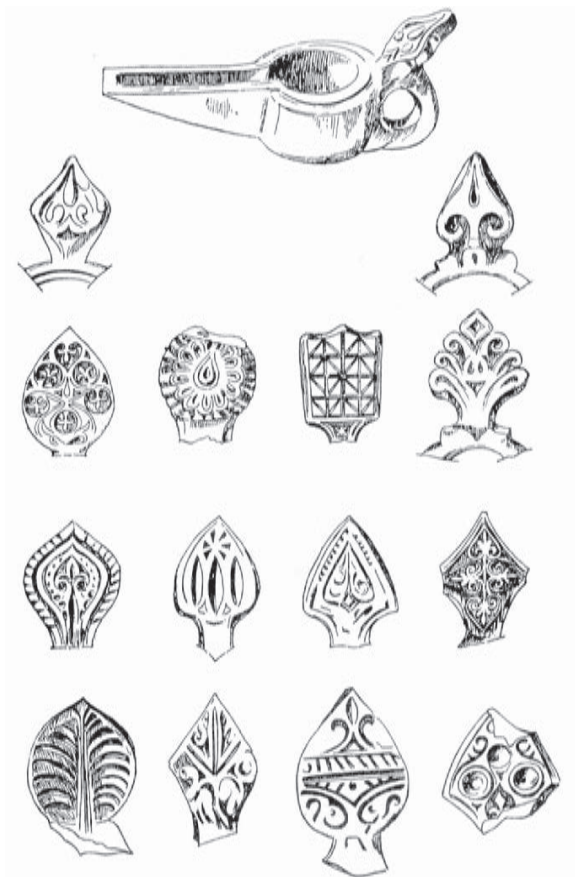

Рисунок 23 – Растительно-геометрические типы
орнаментов на пятах светильников
караханидского времени

Признание факта историко-культурного синтеза не дает еще полного понимания специфики влияния кочевой культуры и, в частности, архитектуры на зодчество и градостроительство земледельческих оазисов. Сейчас только идет постепенное накопление информации о пространственной организации среды кочевого общества – архитектуры, градостроительства, границ национального влияния и т.д.

Теоретическая незащищенность таких аспектов истории кочевого зодчества, как закономерности формообразования, проблемы освоения традиций, границы распространения культуры и др., создают условия искажения фактов истории культуры и зодчества кочевых цивилизаций.

В данном разделе главы представляется возможным изложить только отдельные аспекты взаимодействия кочевых и земледельческих культур в средневековом зодчестве Центральной Азии. Высокая степень урбанизации Чуйской долины в V–XII веках связана с образованием и развитием феодальных государств и связанных с ним этнополитических, социальных, торговых и культурных процессов.

Своеобразие планировочной структуры Чуйских городов с так называемыми «длинными валами» обусловлено ничем иным, как социальной потребностью осевших в городах кочевников иметь свою усадьбу с землей, садом, загон для скота. Огромные территории в пределах длинных валов городов Чуйской долины Кыргызстана является специфической

Рисунок 24 – Буквенная орнаментация посуды караханидского времени

рейской юрты, так называемые боярские писаницы (II–I вв. до н.э.), где изображены вперемежку бревенчатые жилые дома и юрты кочевников, как тип поселения единого градостроительного замысла [294, с. 96–97]. Необходимо отметить факт использования образа юрты при изготовлении терракотовых оссуариев жителями Чуйских городов. Большинство оссуариев, найденных здесь, имеют овальную форму и детализировку, в которых узнаваемы черты кочевого жилища. Явное заимствование облика кочевой юрты мы видим на краснореченском оссуарии, где художник совместил форму кочевого жилища с деталями стационарного жилища (кариатиды) (рисунок 11) [247, с. 57–58].

Графическая реконструкция восьмигранного мавзолея Бурагинского городища (Баласагун) (рисунок 26), сохранившегося на высоту 1,6 м, позволяет отнести его к так называемым «башенным» мавзолеям, широко распространенным в ареале от Центральной Азии до Ближнего Востока. Генезис этих мавзолеев от погребальных сооружений кочевых народов северных районов Центральной Азии убедительно доказала в свое время Г.А. Пугаченкова [266, с. 57]. Тем не менее, разные взгляды на происхождение этой архитектурной формы остаются.

В этой связи можно отметить следующее: 1. Архитектурный тип «башенного» мавзолея охватывает большое количество памятников на огромной территории и вследствие недостаточной изученности в данное время они объединены лишь чертами формальной общности; 2. За период многовекового развития (IX–XVIII вв.) они приобрели регионально-территориальные варианты, связанные с местными строительными и художественными традициями; 3. Соглашаясь с идеей продвижения этого архитектурного типа в усовершенствованном

особенностью градостроительства на территории с полиэтничным и многоконфессиональным населением. Но не только градостроительными новшествами отмечен этот период. Элементы кочевой культуры начинают внедряться и в саму застройку городов. Например, показателен опыт трансформации жилой застройки, когда в планировке внутреннего двора жилого дома горожанина предусматривалась специальная, круглая в плане площадка для установки юрты. Здесь проявилось явное желание использовать преимущество юрты, как летнего помещения, в сочетании со стационарным жилищем [22, с. 157].

В настоящее время общепризнанно, что юрта – выдающееся творение кочевой культуры, итог многовековых исканий кочевой цивилизации. Юрта, являясь продуктом длительного морфогенеза, впитала в себя многие достижения кочевой и оседлой культур и, в свою очередь, вошла неоспоримым фактом в оседло-земледельческую культуру, впиталась в сознание и быт (рисунки 12–13). Эти связи зафиксированы во множественном числе в памятниках материальной культуры и искусства древности [36, с. 34]. Это изображение знаменитой Хаза-

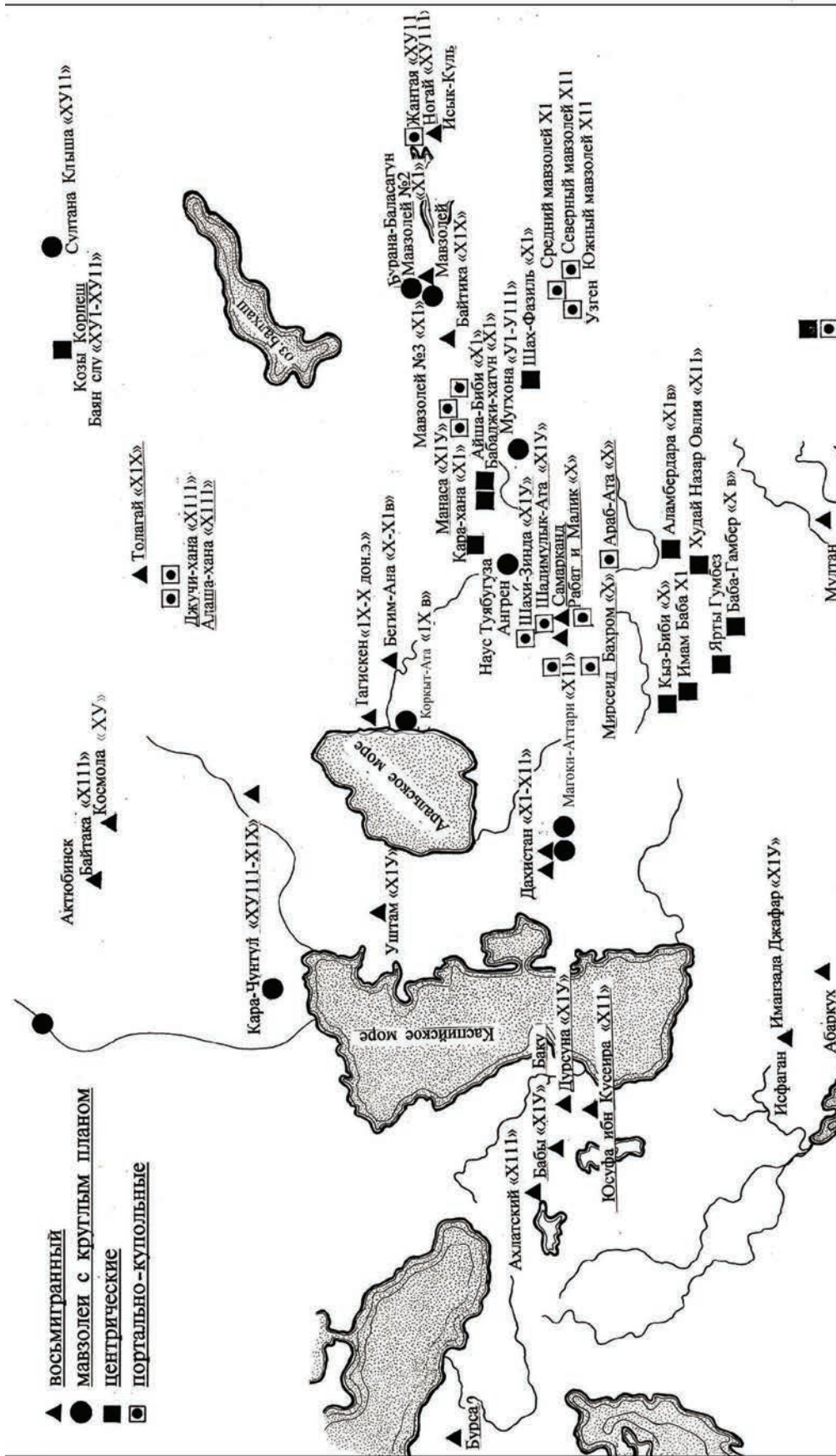
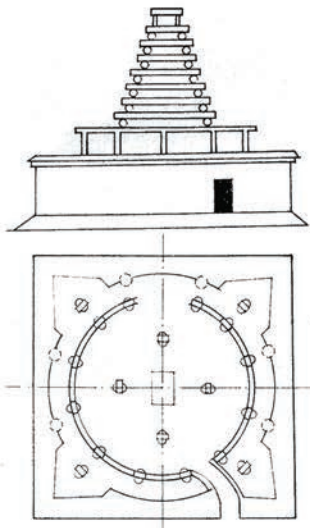
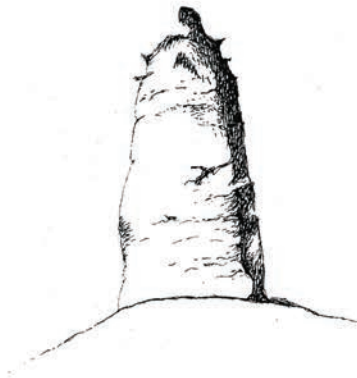

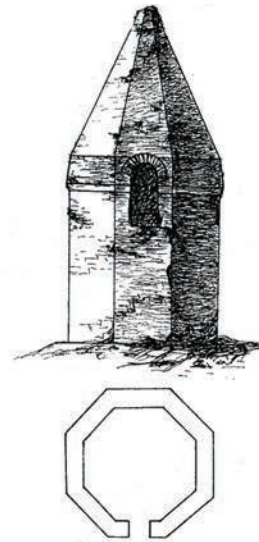
Рисунок 25 – Схема расположения мавзолеев установленных архитектурных типов

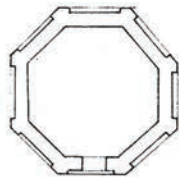
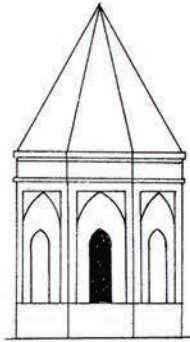
Тагискен 5А «IX-Xв. до н. э.»

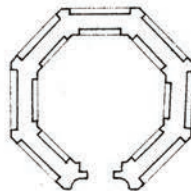
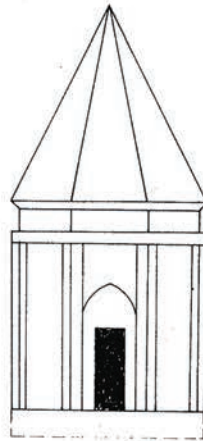
Коркыт - Ата «IXв.»

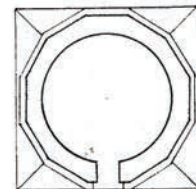
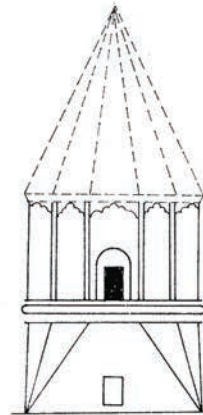
Бегим - Ана «X-XI в.»

Мавзолей №1
восьмигранный
Бурана «XI в.»

Юсуфа ибн Кусеира «XII»

Ахлатский «XIIIв.»

Рисунок 26 – Восьмигранные мавзолеи с шатровым покрытием

виде из Азербайджан на юго-восток в Среднюю Азию в XIII–XIV вв. нельзя отрицать более раннего, в IX–XI вв. движения этой темы в направлении Семиречья, юга Казахстана, Средней Азии, Хорасан, Азербайджана, Турции; 4. Возникнув, как первоначальная форма в Центральном Казахстане [212, с. 40–43] в VIII–IX вв. (Коркыт-Ата, Домбаул, Козы-Корпеш Баян Сулу, Бегим Ана, Сараман Коса) имея генетическую связь с древнейшими погребальными сооружениями дельты Сырдарьи античного периода (гробницы Такескена, мавзолей Баланды-2), эта архитектурная тема оказалась наиболее приемлемой на протяжении многих столетий, подвергаясь изменениям в форме, декоре, пропорциях, материале, строительной технике в результате взаимовлияний и взаимопроникновения различных культур; 5. Несомненно влияния башенных мавзолеев и на возникновение других типов мавзолеев, имеющие специфические и схожие черты – восьмигранные или цилиндрические с купольным покрытием, а также квадратное в плане, завершенные шатром на высоком барабане (рисунок 27) [56, с. 157–164].

Истоки возникновения двух круглых мавзолеев на Бурачинском городище также уходят своими корнями в погребальные сооружения древних кочевников [186, с. 103, 108, 180; 126, с. 159–167]. По мнению М. Мендикулова [212, с. 36–38] ложный купол сырцового мавзолея с круглым планом Баланды-2 связывает архитектурную идею тагискенских мавзолеев со строительной практикой раннего средневековья. Это положение подтверждает устойчивая архитектурная традиция древних сырцовых мавзолеев с круглым планом – Тагискен-6, Уйгарак, Чирик Рабад, Баланды-3 с IX–VIII вв., до IV–II вв. до н.э. в низовьях Сырдарьи. В последующие века традиции мемориальных сооружений с круглым планом продолжают развиваться. В качестве примера можно привести круглые в плане наусы, строившиеся в V–VIII вв. в долине р. Ангрэн, на территории древнего Илака [232, с. 101–102]. Внешний объем Ангрэнского науса в реконструкции В.А. Нильсена отдаленно напоминает облик мавзолея № 2 Бурачинского городища (рисунок 28).

Близкое сходство с юртообразными наусами долины Ангрэна обнаруживается в облике «курумов» – каменных усыпальниц северной Ферганы. Особенно монументальны постройки, имеющие внутреннюю прямоугольную или эллиптическую в плане камеру, вписанные, как и ангрэнские наусы в круг массивных стен, перекрытых куполом, выложенного из крупных камней в технике «ложного свода» [187, с. 73].

Структура ангрэнского науса у курумов северной Ферганы напоминает могильники Южной Сибири VIII–V вв. до н.э., совместившие круглые формы курганов кочевых захоронений с прямоугольными ячейками бревенчатых погребальных камер, свойственных оседлой культуре Сибири. В наусах, особенно ангрэнских, курумах и др. погребальных сооружениях Средней Азии, также очевидно взаимодействие форм кочевой архитектуры и стационарной архитектуры древнего земледельческого населения Средней Азии.

Несомненно, правы Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель [276, с. 250] о роли пламенных и тамгообразных знаков тюркских кочевых племен в рождении узорных резных кирпичиков, обогативших содержание кирпичного архитектурного декора Средней Азии XI–XII вв. Круглые мавзолеи Бураны и Дахистана, как наиболее ранние памятники Средней Азии, где применены узорные резные кирпичики и которые в дальнейшем доводятся до совершенства в культурной высокоразвитой области Хорасан на примере мавзолеев Мухаммеда ибн Зейда (XII век), Худай Назар Овлия (XII век), мечети Талхатан Баба (XII век) – знаменуют собой закономерный процесс совместного творчества кочевого и оседлого компонентов. То же самое и с искусством рельефной кирпичной орнаментации [9, с. 42–46]. Самый древний из сохранившихся минаретов Центральной Азии – Бурачинский (X век) в столице Караханидов Баласагуне, – представляет еще один пример зарождения в Семиречье – колыбели

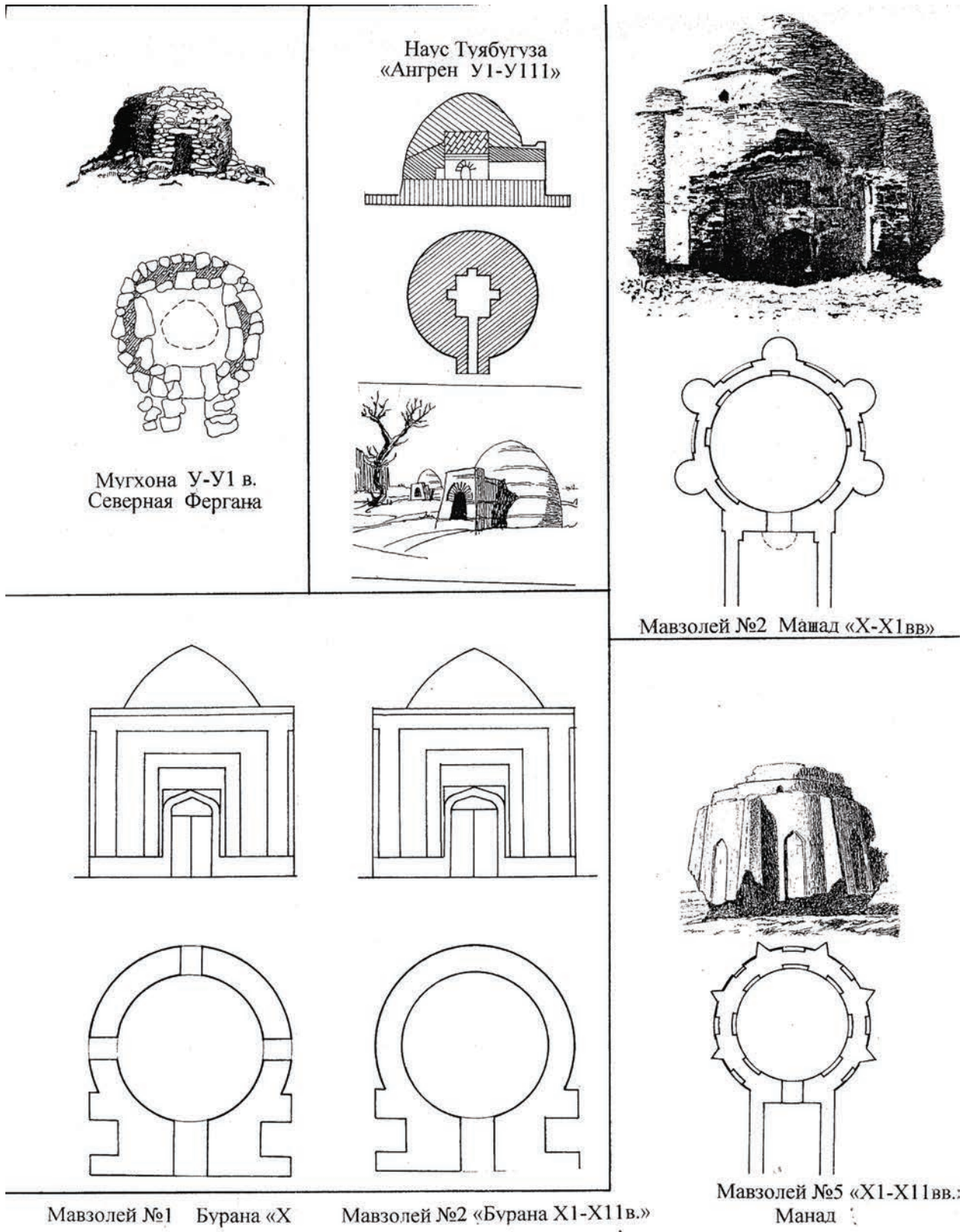

Рисунок 27 – Мавзолеи с круглой камерой

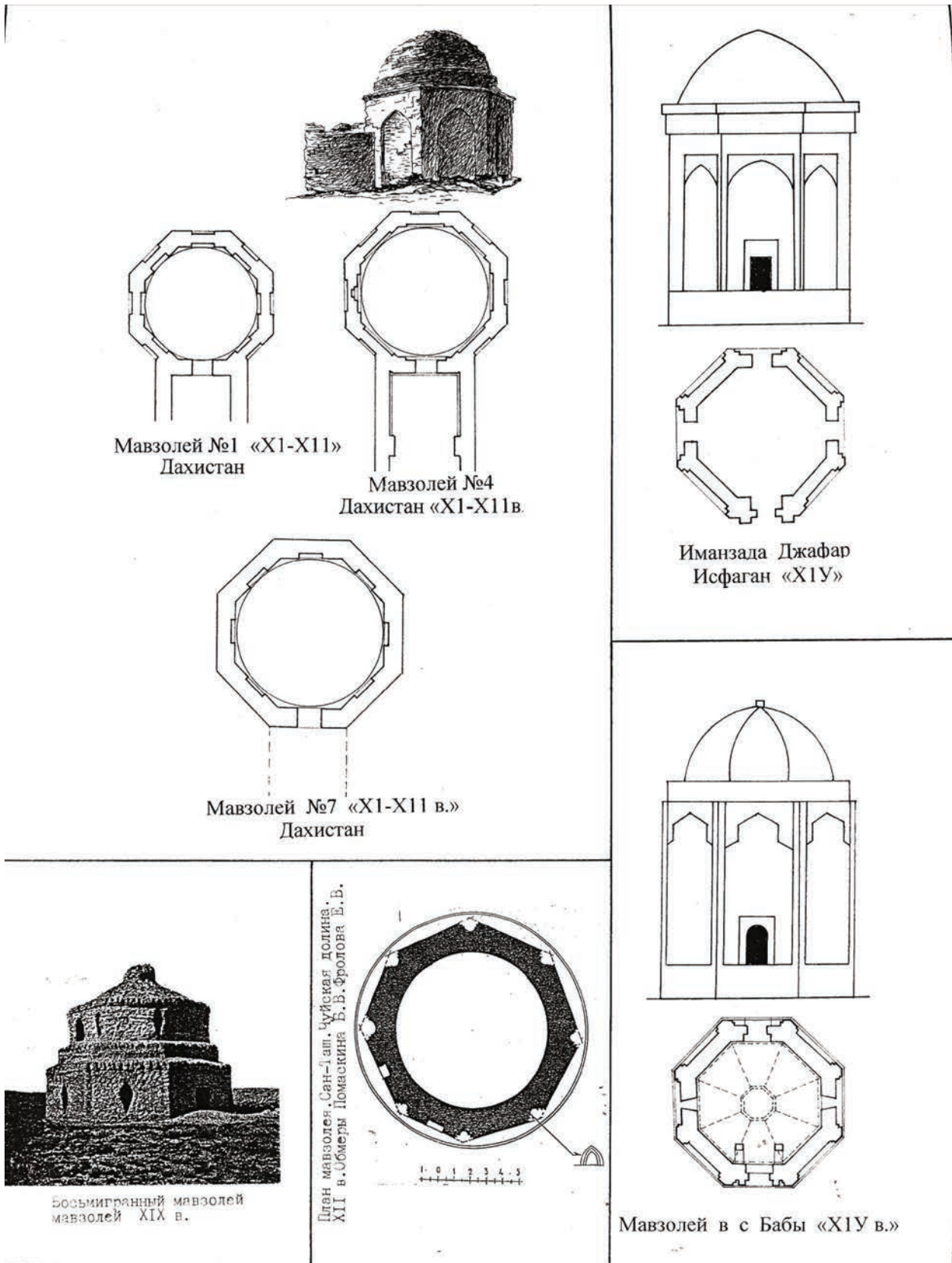

Рисунок 28 – Восьмигранные мавзолеи

кочевников – нового художественного принципа, когда кирпич приобретает кроме конструктивного, еще и декоративные качества [252, с. 353–354; 224, с. 49]. Далее искусство рельефной кирпичной орнаментации получает развитие в минарете Узгена, второй столице Караханидов [306, с. 294]. Затем, попав в благодатную почву Мавераннахра, получает еще большее художественное выражение в минаретах Калян в Бухаре (1127 год) и Вабкенском (конец XII века).

Мавзолей Шаха-Фазила занимает в архитектурном наследии Кыргызстана не менее важное положение, чем мавзолей Узгена (рисунок 29).

По выражению Б.П. Денике, «во всей Средней Азии нет другого памятника из числа уцелевших на поверхности земли, где так широко была бы применена резьба по стуку...» [116, с. 72]. Энциклопедией орнаментов назвал резьбу по ганчу в мавзолее Шаха-Фазила Л.И. Ремпель [276, с. 104]. Ученые сходятся во мнении о самобытности интерьера мавзолей Шаха-Фазила, о неповторяемости орнаментальных мотивов в других предшествовавших или одновременных памятниках, о своеобразной, присущей только ему технике графической резьбы. Об особой школе графической резьбы мавзолей Шаха-Фазила делает догадку Л.И. Ремпель: «Возможно, конечно, что в резьбе по ганчу в ту пору существовала уже особая школа графического рисунка, поскольку такая, несколько обособленно стоящая манера линейного узора, наблюдается в архитектурном орнаменте киргизской части Ферганы» [276, с. 134]. По нашему мнению, не возможно, а действительно существовала своя, особенная, отличительная от Мавераннахра художественная школа резьбы по ганчу и штукатурке, основы которой заложены в искусстве семиреченских городов VII–IX вв.

Раскопками А.Н. Бернштама, П.Н. Кожемяко и других на городищах Чуйской долины выявлено огромное количество архитектурных деталей, фрагментов стен жилища и культовой архитектуры VIII–X веков с образцами резьбы по ганчу и сырой штукатурке в технике рельефной и графической резьбы. Архитектурные детали с графической резьбой разной глубины и толщины, а также сюжетов, является самобытной, имеющей в основе своей традиции бытовой керамики Семиречья. По мнению А.Н. Бернштама, именно здесь, в городах Чуйской долины происходил «процесс подготовки архитектурного изразца (неполивного), прошедшего предварительную школу в «изразцовом орнаменте на глиняной посуде». Он же пишет: «Здесь, в междуречье Чу–Талас этот орнамент получил свое особенное развитие, поскольку здесь формировались силы караханидов, была их столица – город Баласагун» [43, с. 92]. Реальность подтверждает этот тезис – лучшие образцы неполивной терракоты мы видим на памятниках Баласагуна, Узгена, Тараза, Аксыкета, Папа, Таласа – городов, являющихся оплотом караханидов.

Из сказанного выше мы в праве предполагать, что мавзолей Шаха-Фазила является памятником северо-туркестанской архитектурной школы (семиреченской). Его строили мастера из Семиречья, имевшие к этому времени богатый опыт возведения таких выдающихся сооружений, как минарет и мавзолей Бураны, мавзолей Карахана и Айша Биби в Таразе. Эти мастера не изменили высоким традициям и создали неповторимое классическое произведение, отметившее свое направление в искусстве и оставившее след в истории архитектуры [147, с. 126].

Гумбез Манаса в Таласской долине Кыргызстана является своего рода символом, связанным с именем Манаса. Но ценность его определяется не только символическим значением, но и как пример яркого выражения синтеза архитектуры и декоративно-прикладного искусства кыргызов. В орнаментации Гумбеза Манаса Г.А. Пугаченкова выделила традиционные мотивы кыргызского национального узора: «кыял», «аламачек», «кереге», «ийрек»

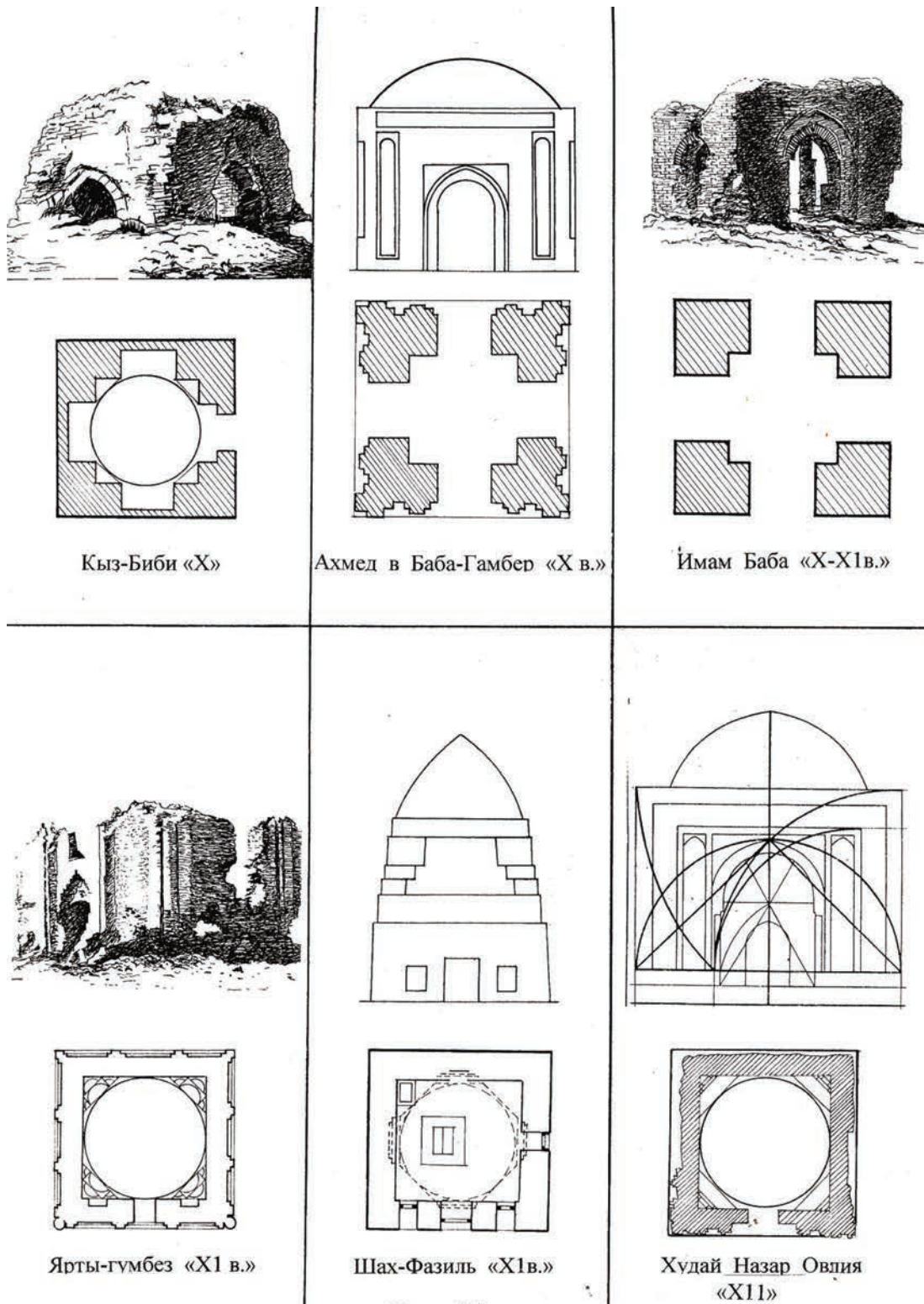

Рисунок 29 – Центрические мавзолеи с круглой камерой

и др. Мотив орнаментов Гумбеза Манас отличается от общепринятых в архитектуре Средней Азии [204, с. 42].

Активные вторжения кочевников в оазисы Средней Азии, ассимиляция ими местной оседлой среды дали новые этнокультурные формы, в которых переплелись кочевые и оседлые элементы. Одним из ярких проявлений кочевых обычаев является размещение столиц караханидов поочередно в разных городах – Баласагын, Узген, Ош, Кажгар, по принципу кочевых ставок. С приходом тюрок заимствуются типы палаток и элементы кочевой архитектуры, транспортных средств и приспособлений, техника обработки кожи и металлов, трансформируются структуры городских поселений. Так, например, крупные города Чуйской и Таласской долин имеют несколько иную планировочную структуру, чем традиционные городские поселения Мавераннахра.

Вышеперечисленные примеры архитектурного творчества, городского строительства наглядно демонстрируют конечные результаты совместной деятельности оседлого и кочевого населения. Появление новых архитектурных форм, декоративных приемов, совершенствование строительной техники – не что иное, как многовековое взаимодействие кочевых и оседлых культур.

Примеров активного взаимодействия элементов кочевой и оседлой культур можно привести бесконечное множество, и задача видится не в их перечислении, а более глубоком изучении кочевой и оседло-земледельческой цивилизаций. Но уже на данном уровне, рассматривая с позиции системного подхода проблемы культурного общения кочевников и оседлых народов, развитие их культуры следует расценивать как процесс необходимого контакта различных этнических систем. Итоговые самобытные культуры имеют единый базис в виде общих социально-экономических и эстетических номиналов. Культурные влияния, в том числе и в архитектуре, являются взаимными и плодотворными для обеих сторон.

Глава 3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ И ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ КЫРГЫЗСТАНА

3.1. Древний этап заселения территорий Кыргызстана. Кочевой и оседлый способы освоения пространства расселения (до VIII в. н.э.)

Для выяснения вопроса об истоках и корнях развития архитектурной культуры Кыргызстана, определения типов территориальных форм освоения пространства, чтобы узнать, оказала ли география расселения человека древнего периода на развитие структуры расселения в последующие периоды, необходимо проследить древнейшие этапы заселения территории.

Этот вопрос относится к Кыргызстану не только того периода, но и всех последующих этапов истории становления среды обитания этой территории. Географическое расположение Кыргызстана обусловило своеобразие его исторического прошлого. Являясь своего рода перекрестком на путях культурной миграции из Центральной Азии на юг Средней Азии из Китая на Запад и в обратном направлении, Кыргызстан уже в древности оказался участником общемирового культурного процесса.

Самое богатое остатками человеческой деятельности местонахождение древнего человека обнаружено в долине Капчигай Ошской области. Сюда приходили охотники за кремнем и выбирали лучшие образцы, образовавшиеся в результате растрескивания породы.

Различные формы изделий из кремня, их заготовки, найденные здесь в изобилии, свидетельствуют о том, что это место было одним из первых карьеров, используемых в производственных целях. Археологи определили несколько десятков устойчивых типов и форм каменных изделий, часть из которых имеют специализированное назначение. Сложный хозяйственный цикл производства этих изделий привел к формированию различных типов поселений. Среди них выделяются временные стоянки – «мастерские», где производилась первичная обработка камня, и изготавливались орудия, а также базовые стойбища, как основные места обитания отдельной охотничьей общины [272].

Для этих целей использовались как открытые пространства, удобные с точки зрения расположения в местности, так и большие пещеры. Люди выбирали защищенные от ветра и удобные для охоты места. Процесс заселения территорий и зона расселения человека в эти периоды полностью определяются влиянием природных факторов. Среди известных пещер того периода в Средней Азии и Казахстане можно назвать Тешик Таш, Ходжент-2, Обирахмат, Отзи Кичик.

Подлинный переворот произвело изобретение бронзы. С развитием бронзовой металлургии стало возможным создавать орудия любой формы, высокой твердости и прочности. Увеличение производительности труда, накопление продуктов и возможность его отчуждения в пользу отдельных общин, семей и лиц вело к размножению первобытнообщинной формации. В сложном процессе культурного и хозяйственного развития шло формирование культурно-исторических общностей эпохи бронзы.

По одной из версий ученых о хронологическом членении андроновских памятников на территории Кыргызстана выделяется два периода: Федоровский (XIV–XIII вв. до н.э.)

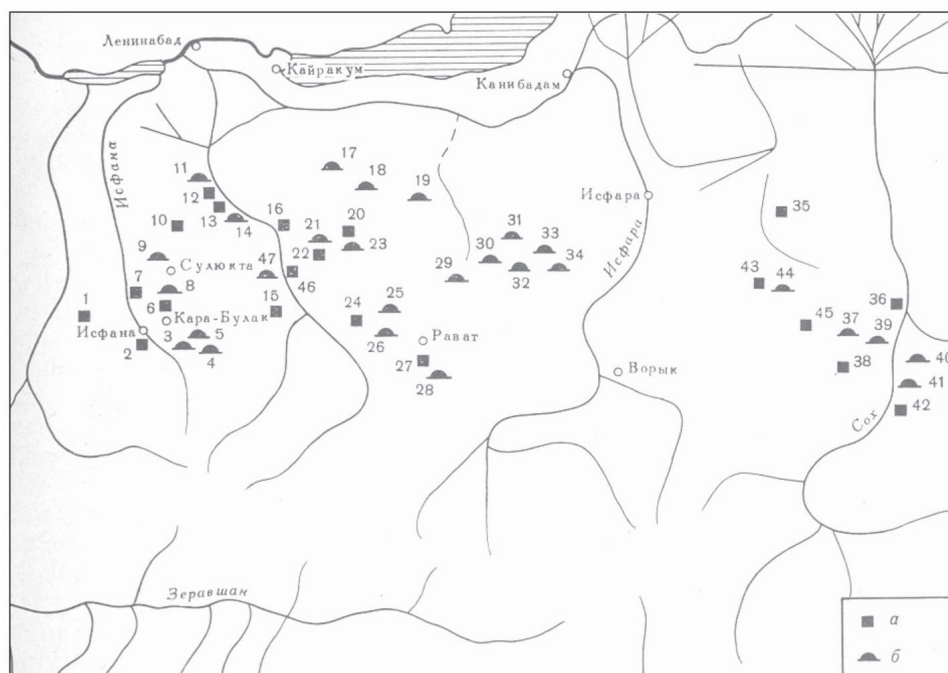

Рисунок 30 – Карта расположения памятников:

1 – Кара-Камарское; 2 – Исфана; 3 – Тогуз-Булак; 4 – Ак-Терек; 5 – Айбике; 6 – Карабулак; 7 – Шалды-Балды; 8 – Алмады; 9 – Сулюкта; 10 – Булак-Башы; 11 – Кайрагач, курганы; 12 – Кайрагач – поселение кокандского времени; 13 – Кайрагач – поселение первых веков нашей эры; 14 – могильник к югу от с. Кайрагач; 15 – Белес-Мазар; 16 – Тагоп; 17–19 – Моргун; 20 – Тепекоргон; 21 – Кагоп, курганы к юго-востоку от села; 22 – Чурбек; 23 – Моргун; 24 – Карасу; 25 – Джерме-Чешме; 26 – Карамойнок; 27, 28 – Рават; 30, 32 – Гарм; 31, 33, 34 – Кон-и-Гут; 35 – Баткен; 36 – Муг-Гуристон; 37 – Карабулак; 38 – Субаши; 39 – Кара-Тукай; 40, 41 – Таян; 42 – Кштут; 43 – Тегерман-Баши; 44 – Тураташ; 45 – Актепе; 46, 47 – Андархан; а – поселения; б – могильники

и поздней бронзы (XII–VIII вв. до н.э.) [346, с. 108]. К ранним памятникам относятся могильник Арпа, захоронение у с. Пригородный, рядом с Бишкеком и случайные находки на северном берегу оз. Иссык-Куль [165, с. 103–104]. Сосуд, найденный на северном берегу оз. Иссык-Куль, хранится в музее средней школы № 7.

Более известны на территории Кыргызстана история и культура племен поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.) Памятники этого периода представлены поселениями, могильниками и кладами бронзовых изделий. В Чуйской долине обнаружены четыре поселения: Каинда, Джаильма, Александровское, Аламединское [290].

В долине Кетмень-Тюбе открыто жилище типа полуземлянки площадью 70 кв. м [174, с. 39-41]. По исследованным на территории Кыргызстана погребальным комплексам вполне локализуется культурный ландшафт эпохи поздней бронзы. Все объекты расположены в долинных участках с поймами рек – в зонах плодородных земель. В Таласской долине – это погребальные комплексы – могильники Таш-Тюбе II, Таш-Башат, Беш-Таш [165, с. 39-41], Кулан-Сай, Кызыл-Сай. [172, с. 39-41] (т.)

В Чуйской долине известны могильники Тегермен-Сай, Кетмень-Тюбе [87, с. 30–38; 339, с. 6–11]. На Тянь-Шане в Нарынском районе раскопан могильник Каракол, в Иссык-Кульской котловине – могильник Кекилик-Сай [69, с. 165]. Скотоводство и земледелие эпохи бронзы в соответствии с вышеперечисленными памятниками локализуются в широких речных поймах и угодьях. Главным в техническом прогрессе этой эпохи было развитие

металлургии. На территории Семиречья действовал самостоятельный очаг металлообработки. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бронзовых изделий, а также своеобразные приемы в технологии изготовления бронзы. Так, по химическому составу металл Семиречья значительно отличается от бронзы Северного, Центрального, Восточного Казахстана и Фергано-Ташкентского типа [179, с. 116–124]. Развитие местной металлообработки подтверждают находки литейных форм для отливки тесел с уступами в селе Александровка, наличие слитка – полуфабриката в составе Шамсинского клада в Чуйской долине, а также клада литейщика – II Сокулукский и II Каракольский (рисунки 30–33).

В эпоху бронзы (рисунки 32 и 33) поселения были центром хозяйственно-общественной деятельности, местом сосредоточения различного рода производств. Какие были формы поселения в Кыргызстане можно судить по формам поселения этого периода в Казахстане, так как, по мнению исследователей, единая картина поселений характерна для областей Казахстана, Средней Азии и Приаралье [149, с. 198]. Крупные поселения (первый тип) представляют собой группы жилых и хозяйственных построек (наземных и полуподземных), состоящих из 10 и до 40.

Площадь таких поселений составляла 2–3,5 га. Это были долговременные места обитания. Площадь жилища составляла от 50–100 до 300–400 кв. м. Планировка помещений, количество и расположение очагов и хозяйственных ям были определены назначением жилища. В специально отведенных местах производилась плавка металла и производство изделий из него. Отдельные крупные помещения были или производственного, или культового назначения. Рядом с поселениями, как правило, размещались кладбища. Уже в ту пору поселения начинались огораживаться рвом и земляным валом [222, с. 197–207]. По расчетам исследователей, в таких жилищах на площади 100 кв. м могло жить соответственно от 25 до 50 и от 35 до 70 человек [280, с. 153]. На основе этих расчетов в жилище Джазы-Кечу могло проживать 20–25 человек.

Строительные приемы, применявшиеся на памятниках Кыргызстана, можно проследить по конструкциям камер захоронения могильника Таш-Тюбе II в долине Арпа, где использованы каменные кладки, глиняная штукатурка, дощатые облицовки и срубный накат.

Второй тип поселений – временные стойбища, характерные для эпохи бронзы. В Кетмень-Тюбинской долине в районе современного центра Токтогул на возвышенном плато на верхней террасе реки Чычкан выявлены остатки жилища. По месту расположения в зоне пастбищ оно было, по-видимому, жилищем пастухов. Жилище представляло собой полуземлянку овальной формы размером 70 кв. м.

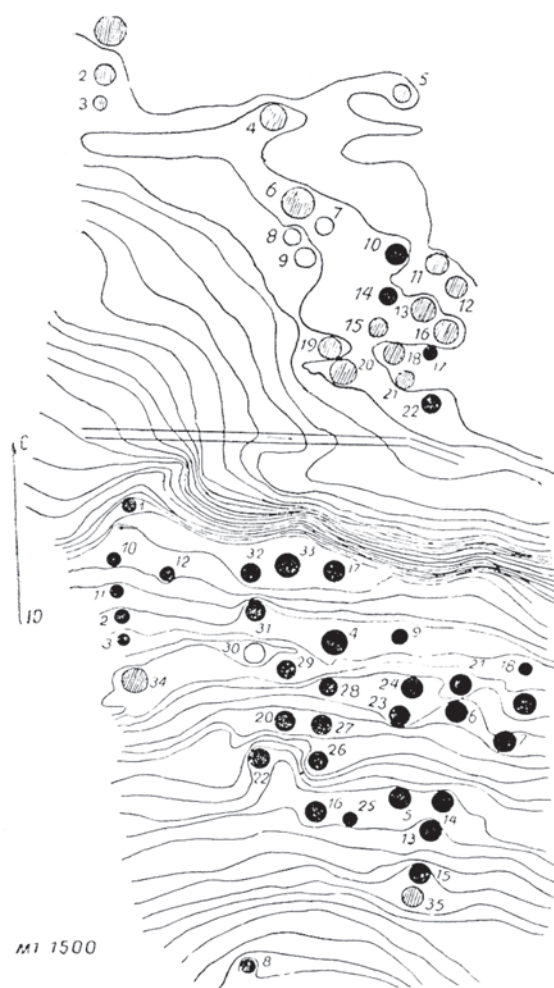

Рисунок 31 – План могильника Джаныш-Булак

Рисунок 32 – Могильник эпохи бронзы Джазы-Кечу.
Общий вид оградки 35

Рисунок 33 – Могильник эпохи бронзы Джазы-Кечу.
Каменная кладка стен могильной ямы

Как отмечалось выше, наряду с пастушеско-земледельческими племенами на рубеже II–I тысячелетий до н.э. в ряде равнинных и предгорных районов Кыргызстана появились общины первых земледельцев с оригинальной культурой и отличавшиеся от андроновской общности. Крупное поселение Чуст в Ферганской долине и близкой к территории современного Кыргызстана дало наименование этой культуре. История чустских племен охватывает почти четыре столетия, начиная с конца II тысячелетия и до рубежа VIII–VII вв. до н.э.

Археологические данные фиксируют определенное расположение поселений чустской культуры в ландшафте Ферганы. Они сосредоточены группами в долинах небольших рек и в их дельтах на севере, востоке и юго-востоке Ферганы. Представление о типичном жилище чустской общины дает полностью раскопанный археологами жилой дом в Боз-Тепе на левом берегу реки Яссы. Дом большесемейной общины площадью 600 кв. м четырехугольной формы построен из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей. По периметру внутренней стороны мощной пахсовой стены дома располагались небольшие комнаты площадью от 4 до 30 кв. м. В глинобитных полах вырыты хозяйственные ямки для хранения зерна и продуктов. Имеются остатки очагов. Боз-тепе было заселено большесемейной общиной численностью 20–25 человек [84].

В Кара-Дарьинском оазисе известно несколько поселений, среди которых изучено поселение Чымбай, напоминающее Боз-Тепе [123]. Дихканское городище занимало центральное положение в Узгенском оазисе. Поселение расположено в пяти километрах к востоку от Узгена, на краю излучины древней террасы правого берега Кара-Дарьи. Судя по занимаемой площади – около 5 га – в поселении могло разместиться несколько небольших общин. Являясь крупнейшим в Узгенском оазисе поселением, оно выполняло, по всей вероятности, сложные функции административно-культурного центра.

Среди поселений, расположенных на территории Кара-Суйского оазиса, выделяется Хожамбаг. Поселение состоит из нескольких холмов общей площадью 4 га. Хожамбаг представляет собой новый тип рассредоточенного чустского поселения. В одном из холмов расчищена часть жилой постройки с 12 хозяйственными ямами. На другом холме – 4 комнаты глинобитного жилища общей площадью около 160 кв. м. (рисунки 34 и 35).

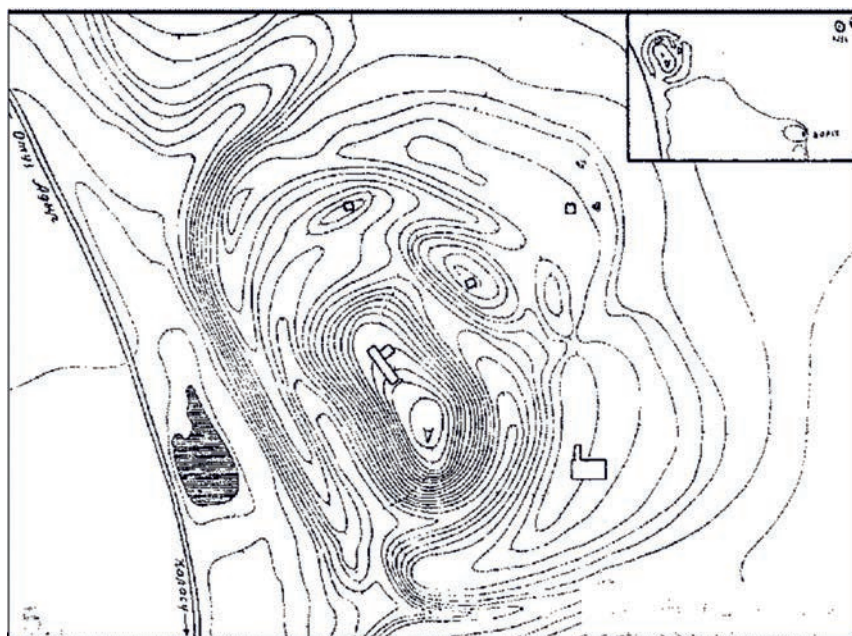

Рисунок 34 – Поселение Хожамбаг (по Ю.А. Заднепровскому)

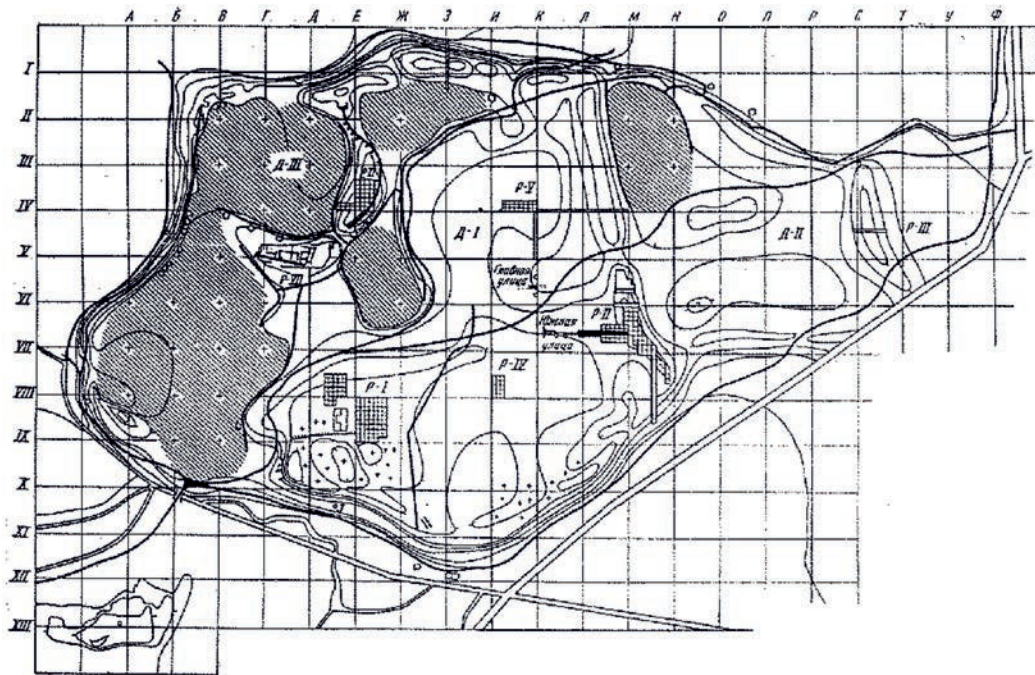

Рисунок 35 – План Дальверзинского городища (по Ю.А. Заднепровскому)

Ошский оазис представлен несколькими поселениями чустского времени. Наиболее известное и древнее поселение оазиса расположено на крутом южном склоне Сулайман-Тоо [129] (рисунки 36 и 37). Поселение является наиболее древним в Центральной Азии с террасной композицией. Всего на поселении выявлено 15 жилых террас, на которых располагаются землянки разных размеров. Полностью раскопано 10 полуземлянок на трех террасах поселений. Одна из них с размерами 5x3,5 м прямоугольно-овальной формы с 8 хозяйственными ямами на полу. Самая большая полуземлянка более 100 кв.м. Вдоль двух ее стен на расстоянии 2,5 м обнаружены ямы для столбов. В центре помещения – 4 более крупные ямы для центральных опорных колонн. Такие же ямы найдены на других открытых помещениях поселения. Они свидетельствуют о каркасно-конструктивной схеме помещений, где внешние по периметру столбы связаны с центральными столбами посредством балок. По балкам, по-видимому, с помощью жердей стены и крыша покрывались ветками и камышом с последующей обмазкой глиной.

Оригинальная керамика, в большом количестве открытая на Ошском поселении, разнообразные изделия быта и орудия труда, а также размещение самого поселения на необычайно трудном для застройки склоне горы Сулайман-Тоо,- представляют его своего рода культурно-идеологическим центром чустских поселений Ферганы.

Столичным центром всех чустских племен Ферганы являлось Дальверзинское поселение, расположенное возле села Айым на левом берегу Кара-Дарьи в 40 км к северу от Оша (рисунки 34 и 35). Дальверзин является самым крупным поселением чустских племен и занимает площадь в 25 га. Поселение состоит из трех частей. К востоку к нему примыкает участок площадью 0,5 га без крупных построек и служивший для загона скота. Особо выделяется северо-западная часть поселения, наиболее укрепленная из трех частей и являющаяся цитаделью. Периметр стен цитадели – 500 м. Стены сложены из сырцового кирпича. На некоторых кирпичках имеются клейма, что свидетельствует о цеховой обособленности ремесленников. Трехчастная композиция Дальверзина и система оборонительных стен хорошо приспособлены для защиты населения от нападения извне.

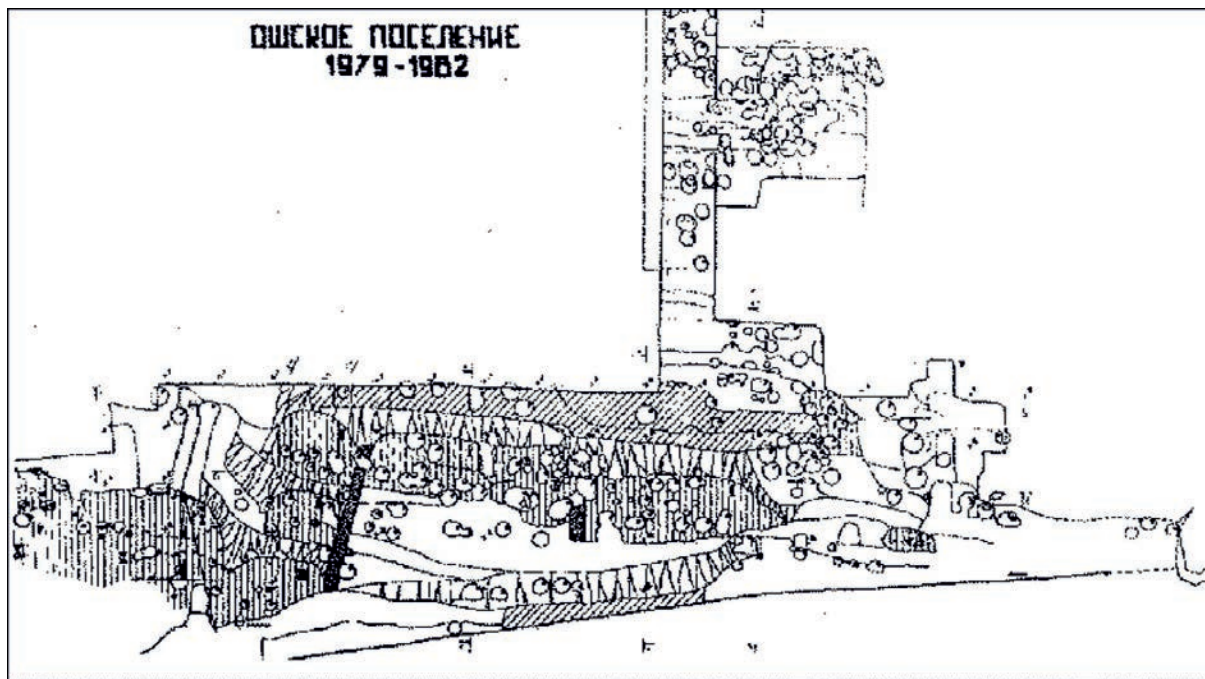

Рисунок 36 – Ошское поселение (по Ю.А. Заднепровскому)

Выделение цитаделей на поселениях происходило на рубеже II–I тысячелетий до н.э. почти одновременно в ряде областей Средней Азии, Афганистана и Ирана, что явилось первым шагом перехода сельских поселений в городские поселения. Такие первые города становились центрами экономической и культурной жизни в оазисах. Дальверзинское поселение отражает этот процесс, происходивший в Фергане. В застройке Дальверзина использовано три типа жилища – наземные глинобитные дома, землянки и каркасные постройки. На поселении, кроме жилых, были производственные и культовые постройки. Большое количество хозяйственных ям свидетельствуют о значительном развитии земледелия. На поселении найдено более 600 серпов. Об обработке меди и бронзы говорят остатки бронзолитейной печи, находки литейных форм, шлаков и других отходов производства, а также многочисленные изделия из металла.

На фоне выделения центральных поселений (Чуст, Хожамбаг, Боз-Тепе, Дальверзин) основная масса жителей чустского населения обитала в небольших поселках и домах усадьбах, разбросанных на небольшом расстоянии друг от друга. Группа таких небольших поселений составляла сельское поселение земледельческого оазиса.

Развитие городских поселений юга Кыргызстана продолжается в Эйлатанский период (VII–IV вв. до н.э.). Городище Эйлатан неправильной четырехугольной формы состоит из двух частей, окруженных мощными оборонительными стенами. Площадь внутренней части города – 20 га. На ней остались следы застройки. На крепостной стене толщиной 4 м на определенном расстоянии друг от друга расположены башни. Появление первых башен на крепостных стенах Эйлатана свидетельствует о дальнейшем развитии укрепленных поселений Ферганы.

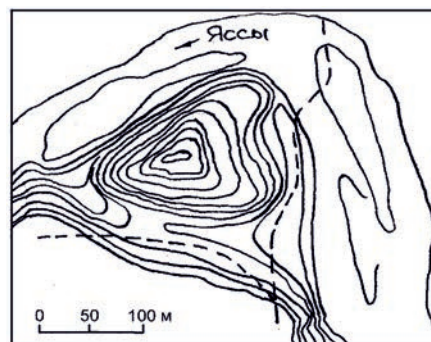

Рисунок 37 – Кызыл-Октябрьское городище

Рисунок 38 – Городище Шурабашат
(по Ю.А. Заднепровскому)

него периода, являясь, несомненно, крупнейшим центром древней Ферганы. Его размеры примерно 1400x500 м. Трехчастная структура (Шурабашат I, Шурабашат II, Шурабашат III и у юго-восточного угла городища четырехугольный торткуль Шурабашат IV) своеобразна в планировке города. Все части городища выполняли свои функции. Судя по характеру культурных наслоений, Шурабашат I служил убежищем для окрестного населения и скота во время нападения врага. Шурабашат III имел наиболее благоприятные условия для жизни, так как эта часть расположена в самом низком месте, удобном для водоснабжения.

Другая разновидность поселений представлена городищем Кара-Дарья, занимающим площадь около 10 га. Это был центр земледельческого Кара-Дарьинского оазиса. Здесь насчитано около 90 городищ и тепе. Оазис располагался в месте слияния рек Тар и Кара-Кульджа, в 15 км к юго-востоку от Узгена. Городище же расположено на обособленной площадке высокой террасы правого берега Кара-Дарьи. Оно четырехугольное в плане, размером 320x330 м. Со всех сторон, кроме южной, располагались глубокие рвы. С южной защитой служила природная терраса реки. Цитадель, пристроенная к западной стене города, представляет собой монументальное сооружение с мощными трехметровыми внешними стенами из сырцовых блоков общей площадью 400 кв. м (20x20 м). В 1 км к северо-востоку от городища находится Узген-Арык. Исследования, проведенные на городище, показали, что поступление воды на древнее поселение происходило непосредственно от этого древнего арыка. По этим данным заключено, что Узген-Арык существовал уже в Шурабашатский период и является действующим до настоящего времени [41, с. 148–158].

Самой распространенной разновидностью поселений Шурабашатского периода являются небольшие укрепленные городища на мысах береговых террас, например, Кош-Булакское городище, площадью 3 га. Расположено на правом берегу р. Яссы, на восточной окраине селения Кош-Булак (рисунки 39–42).

Внешняя часть городища площадью в 200 га, также окруженная крепостной стеной толщиной в 4 м, не была заселена – она служила загоном для скота. Выделение большой площади городской территории для загона можно считать особенностью поселения, т.к. в других поселениях для этой цели выделяются гораздо меньшие площади.

Следующий этап в сложении городских поселений юга Кыргызстана отражает городище Шурабашат (IV–II вв. до н.э.) (рисунок 38). Оно находится на правом берегу р. Яссы в 10 км от Узгена.

Площадь городища – 70 га и состоит из четырех частей, вытянутых вдоль берега [122, с. 116–153]. Оборонительная стена с башнями с трех сторон окружала город. Южная сторона была защищена р. Яссы. Археологические данные показывают долговременное существование Шурабашата, начиная с эйлатанского периода до развитого средневековья.

Это городище не имеет себе равного среди памятников Ферганской долины древ-

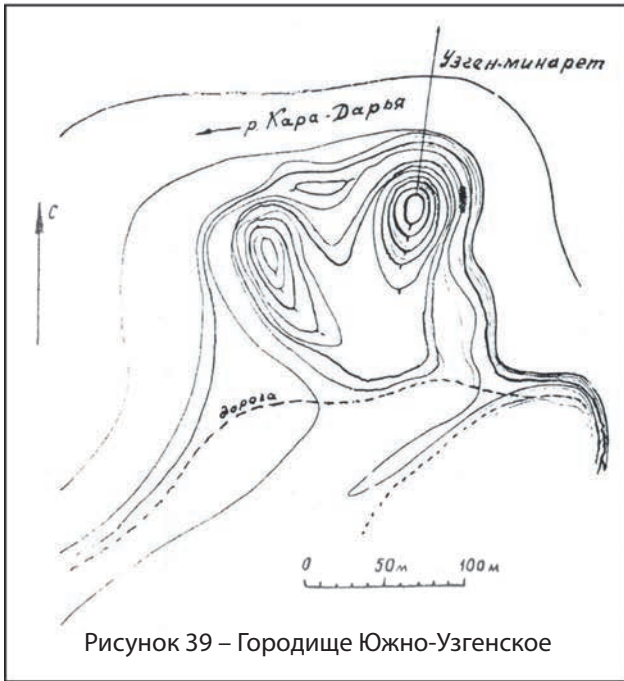

Рисунок 39 – Городище Южно-Узгенское

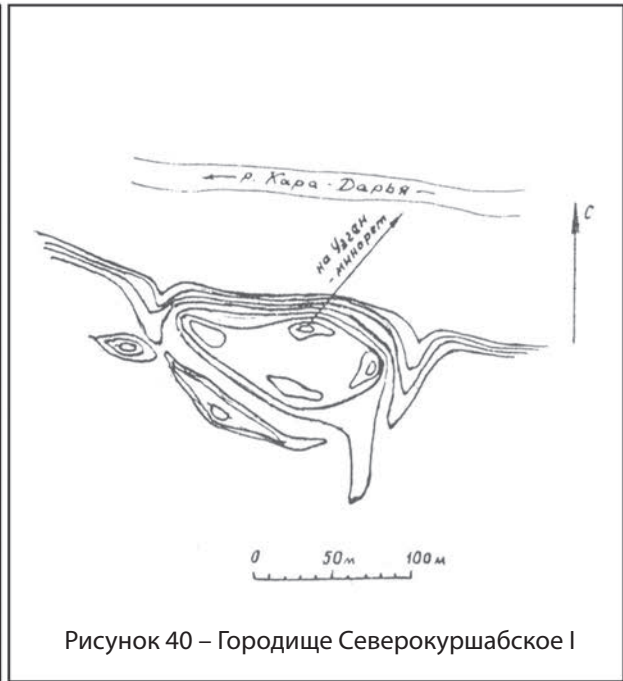

Рисунок 40 – Городище Северокуршабское I

Рисунок 41 – Городище Кзыл-Октябрьское

Рисунок 42 – Городище Кош-Булак

Поселения располагались в долинах Яссы – Кара-Кульджи – Кара-Дарьи на небольших расстояниях друг от друга, образуя систему сельских укреплений, граничащих с земледельческим ядром – крупным городом. Все они в совокупности составляли земледельческий оазис у торговых путей [121, с. 47].

Мархаматский период в истории Ферганы считается временем наивысшего расцвета оседло-земледельческой культуры древней Ферганы. К этому периоду относится более 1000 памятников [49, с. 70].

Самый крупный памятник этого периода – Мархаматское городище, которое находится в долине р. Араван, к западу от города Ош (рисунок 43).

Городище Мархамат (II–III вв. до н. э. – II–IV вв. н. э.), в отличие от других поселений древней Ферганы, имеет строго прямоугольную композицию центральной части с размерами 750x500 м и ориентированного крепостными стенами по сторонам света. Высокие крепостные стены имели башни: на западной и восточной – по 20, на северной – 12. Внешние оборонительные стены, которые в свое время исследовал А.Н. Бернштам, сохранились частично из-за современной застройки села. По его же мнению, Мархаматское городище по площади одно из крупнейших в Фергане (40 га) – это руины столицы Давани города Эрши. [49, с. 244–254]. Бернштам выделяет два этапа в застройке города: время возникновения (III–II вв. до н. э.) и период расцвета (I–III вв. н. э.)

В 8 км к западу от Оша на левом берегу Ак-Буры находится укрепленное поселение Билувур-Тепе полувоенного характера, предназначенное для обороны Ошского оазиса в качестве форпоста на одном из важнейших направлений движения к Ошу. Небольшое по площади поселение (1 га) было окружено мощной стеной в 3,5 м толщиной. Особо выделяется цитадель, возвышающаяся на скальном основании с четырьмя башнями, расположенными крестообразно. Стены цитадели были двойными с проходом между ними. Они окружали пять помещений, четыре из которых располагались крестообразно по сторонам центрального помещения площадью 50 кв. м. Небольшие размеры поселения, мощные крепостные стены цитадели и строгая симметрия помещений придают Билувур-Тепе крепостной характер.

Такие небольшие укрепленные поселения-крепости, игравшие роль форпостов, имелись по одному или несколько в каждом оазисе Ферганы. В них, по-видимому, размещалась местная знать, игравшая роль покровителей оазиса (рисунки 39–42, 44, 45).

Распространены другие виды поселений – «Кушанские замки» [49, с. 254–258] с вышками-тепе непропорционально больших размеров (рисунки 46–48).

Примерами этих городищ могут служить городища Кургашин-тепе и Кашгарское. Кургашин-Тепе, относящееся к средневековым поселениям, стоит на правом берегу сая, у выхода его из ущелья, у южной окраины селения Иски-Наукат. Занимает участки возвышенности, вытянутые с севера на юг [121, с. 156]. Центральная часть городища (шахристан) в основе имеет четырехугольник, укрепленный стенами и ориентированный сторонами по странам света. Длина сторон примерно 100 м. В юго-западном углу находится цитадель, размером 35x30 м. Городище имеет трехчастную структуру: Цитадель, Шахристан и Рабад [49, с. 157–158].

К VI–VIII вв. в Фергане, по свидетельству китайских источников, количество городов-оазисов 6, всего 100 городов (рисунок 49) [49, с. 261]. Период функционирования городищ Мархамат-Эрши считается временем наивысшего расцвета культуры Ферганы. По уровню развития ремесла Давань сравнивается с Китаем: «Там употребляют и шелк, и лак, но не умеют отливать чугунных изделий. Даваньцы, получая из Китая золото и серебро, употребляют его на изделия, а не монету» – пишет древний источник [51, с. 188].

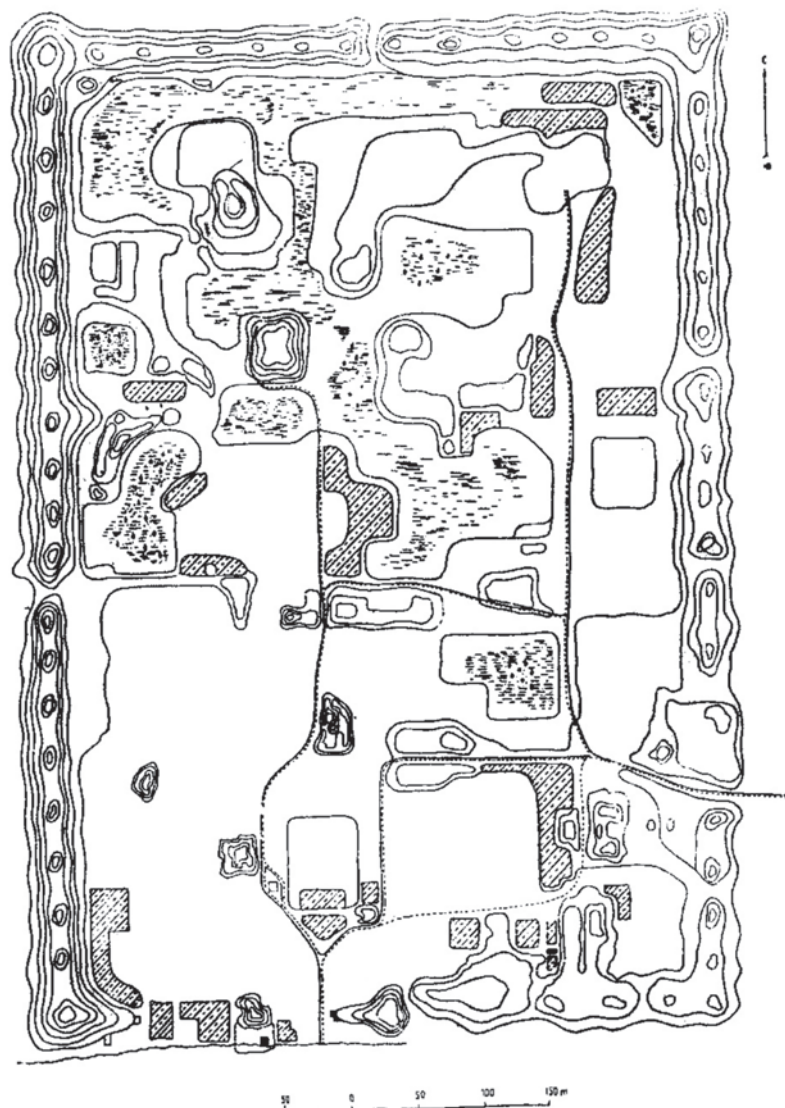

Рисунок 43 – Фергана. Мархаматское городище. План

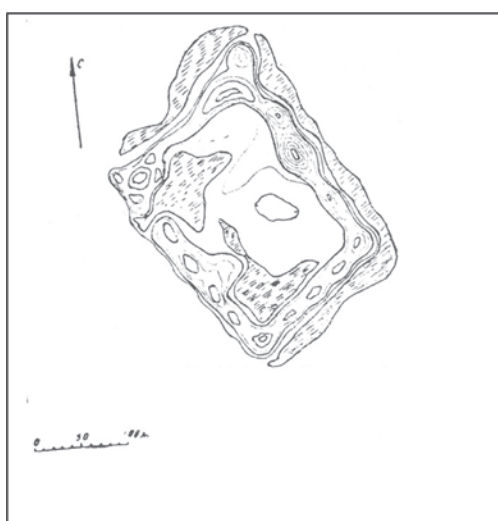

Рисунок 44 – Северокуршабское II городище

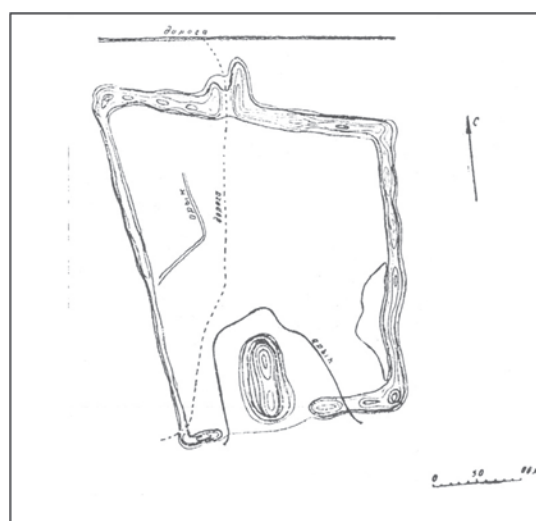

Рисунок 45 – Городище Янги-Базар

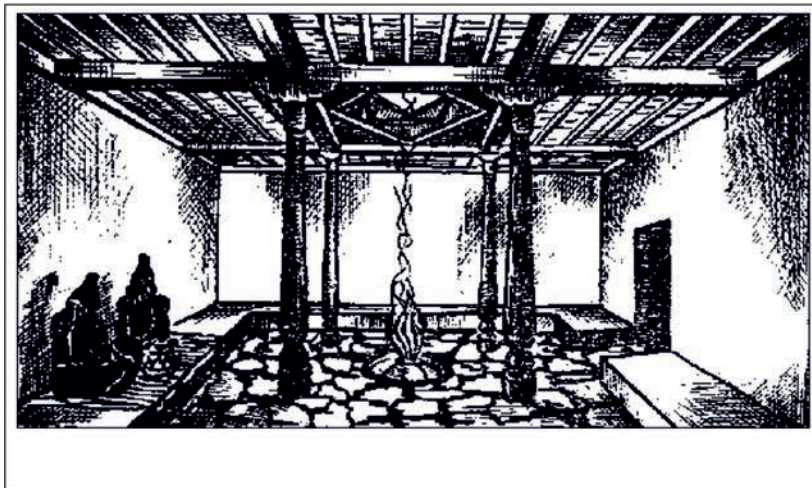

Рисунок 46 – Усадьба Мирзалим-Тепе. Парадный зал.
(Реконструкция Б. Памаскина)

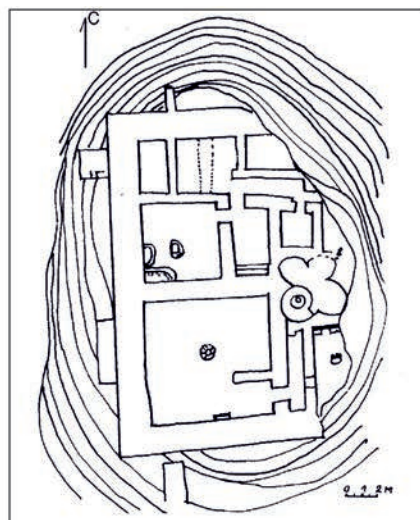

Рисунок 47 – Усадьба
Мирзалим-Тепе. План
(по Ю.А. Заднепровскому)

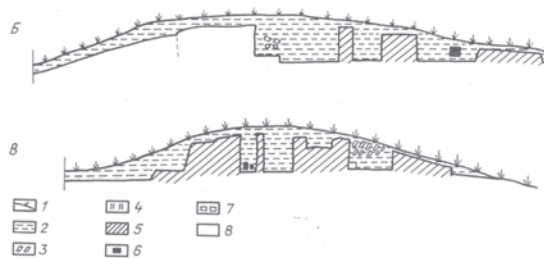
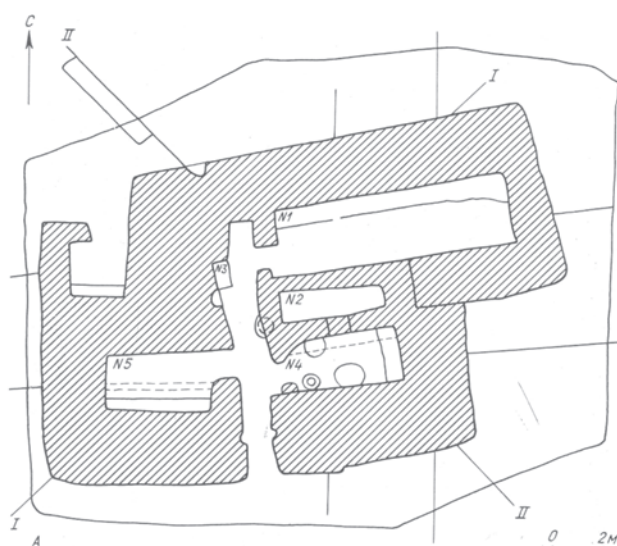

Рисунок 48 – Карабулак, замок. План раскопа. Разрез по линии I-I; разрез по линии II-II; 1 – дерн; 2 – супесь; 3 – камни; 4 – завал из сырцовых кирпичей; 5 – стены из сырцовых блоков; 6 – уголь древесный; 7 – кладка из сырцовых кирпичей; 8 – тлен древесный

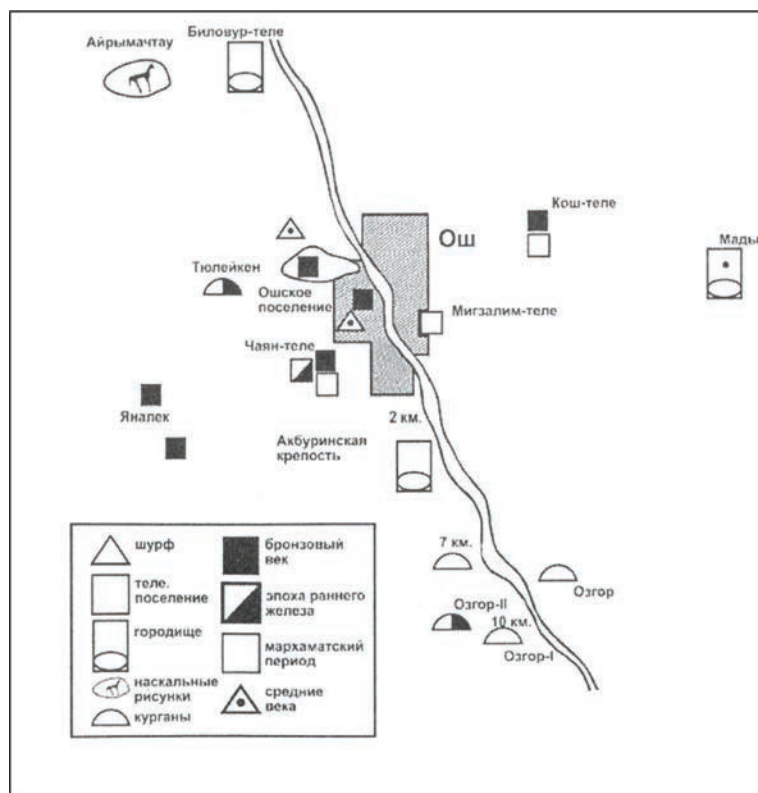

Рисунок 49 – Схема памятников Ошского оазиса (по Ю.А. Заднепровскому)

В этот период Фергана занимает важное положение на Великом Шелковом пути. «Северная дорога» шла из Кажгара в Давань и далее на Запад в страны Средиземноморья, формируя историко-культурный коридор международного общения. Занимая выгодное, центральное положение на торговом пути, Давань извлекала для себя большую пользу, строя укрепления для обслуживания и охраны караванов. Знаменитую Каменную Башню, упоминаемую Птоломеем, ученые размещают в Дараут Кургане в Алайской долине, где сохранились каменные фундаменты от построек, которые были связаны с торговым коридором [209, с. 58].

Великий Шелковый путь, как отмечено в предыдущей главе, на протяжении II в. до н.э. и до конца XIII–XIV вв. стал важнейшим фактором, способствовавшим кочевому и оседло-земледельческому населению Тянь-Шаня, Семиречья и Памира в освоении пространств расселения. В период функционирования Великого Шелкового пути на территории Кыргызстана насчитывается около 150 поселений. Кроме поселений вся эта территория была маркирована кочевыми племенами посредством летних и зимних стойбищ, святилищами и могильниками (рисунки 50 и 51).

Кочевое население Семиречья и долин Тянь-Шаня впервые упоминается в Бехистунской надписи Дария I. Термином «саки» в древнеперсидских надписях обозначали азиатских кочевников, среди которых выделяли саков-хаомаварга и саков тиграхауда (острошачники). Их имел в виду Геродот, когда сообщал следующее: «Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, и вооружены были сакскими луками и кинжалами» [90, с. 332].

Археологические материалы существенно дополняют сведения письменных источников о сакских племенах, обитавших на территории Кыргызстана с VI по III вв. до н.э.

(рисунок 30). Культура сакских племен представлена как монументальными сооружениями – курганами больших размеров, так и скромными курганами рядовых общинников. Сакские курганы наглядно свидетельствуют о местах расселения на территории Кыргызстана. Они расположены в долинных равнинах в Чуйской, Таласской, а также в высокогорных участках – Иссык-Кульской котловине и в долинах Тянь-Шаня.

Составить представление о сакских курганах, их устройстве, пышности и богатстве погребального инвентаря можно по курганам, раскопанными казахскими археологами в соседних долинах Семиречья.

В одном из курганов могильника Иссык в горной долине Заилийского Алатау высотой 6 м и диаметром 60 м оказались две погребальные камеры, углубленные в землю. Центральное оказалось разграбленное в древности, а во второй (южной) была раскопана погребальная камера в виде сруба, перекрытого накатом из бревен. По сохранившимся золотым изделиям погребенного археологам удалось восстановить одежду, обувь и головной убор. Он был одет в кожаный кафтан, сплошь обшитый золотыми фигурными бляшками. Головной убор, сапоги с длинными голенищами, парадный поясной ремень были богато украшены золотыми украшениями. Всего в захоронении оказалось около 4000 золотых изделий. Вдоль стен погребальной камеры находились 31 сосуд из глины, дерева и серебра. По определению антропологов, в кургане VI–V вв. до н.э. похоронен юноша 16–18 лет [13; 12, с. 57–60].

К этому же времени относятся курганы могильника Бешатыр на правом берегу р. Или. Под насыпью одного из курганов обнаружены наземные деревянные сооружения. Расчищена погребальная камера больших размеров, тамбур и коридор. Перекрытие состояло из бревенчатого наката и камыша.

Вышеперечисленные курганы свидетельствуют об их монументальности и сложном архитектурном решении конструкций погребения. Сакские племена широко освоили высокогорные районы Кыргызстана. Кроме Иссык-Кульской котловины курганы расположены в долинах Тянь-Шаня, вокруг Ферганской долины. В Кетмень Тюбинской долине открыто более 300 курганов в 15 могильниках. В горных долинах Алайского хребта изучено около 250 сакских курганов. Большое количество сакских курганов свидетельствует о широком проникновении сакской культуры на территорию Кыргызстана. Фактически можно говорить о сплошном заселении всех горных долин в этот период. Произошел своего рода демографический скачок в древней истории Кыргызстана. Такие подвижки могли произойти только при условии значительного роста производительных сил общества в связи с развитием кочевого скотоводства. Многочисленные памятники из бронзы свидетельствуют об интенсивном развитии металлургии у сакских племен Тянь-Шаня и появлении нескольких крупных центров металлообработки.

III–I вв. до н.э. отмечены сложной политической историей Тянь-Шаня и Семиречья в связи с появлением на этой территории новых племен разных культур и этнической принадлежности (рисунки 50 и 51). Этим объясняются трудности их классификации интерпретации [346, с. 159–169]. Несмотря на появление усуньских племен в III–I вв. до н.э. основная часть населения оставалась сакской. В этот период выделены две основные группы памятников – могильники в грунтовых ямах и захоронения в подбоях и катакомбах (рисунки 32 и 33). Первые принадлежат сакским племенам, вторые – усуням или юечжам. Эти племена и их потомки на протяжении 600–700 лет ассимилировались местным населением [124, с. 27–36].

Усуньский период в истории Кыргызстана достаточно освещен в китайских письменных источниках и археологическими материалами. Главная ставка усуней – город Чигу – находилась на берегу оз. Иссык-Куль. В этот период «кочевья усуней распространены

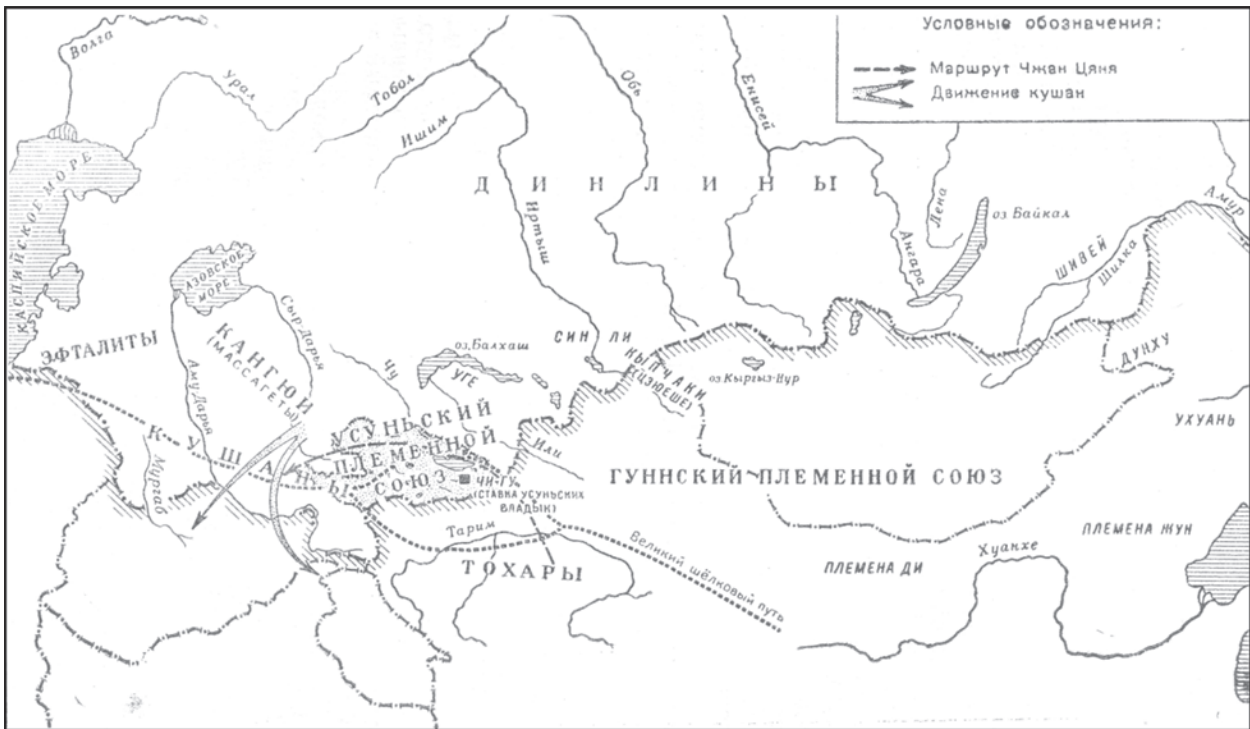

Рисунок 50 – Кыргызстан в III в. до н.э. – IV в. н.э.

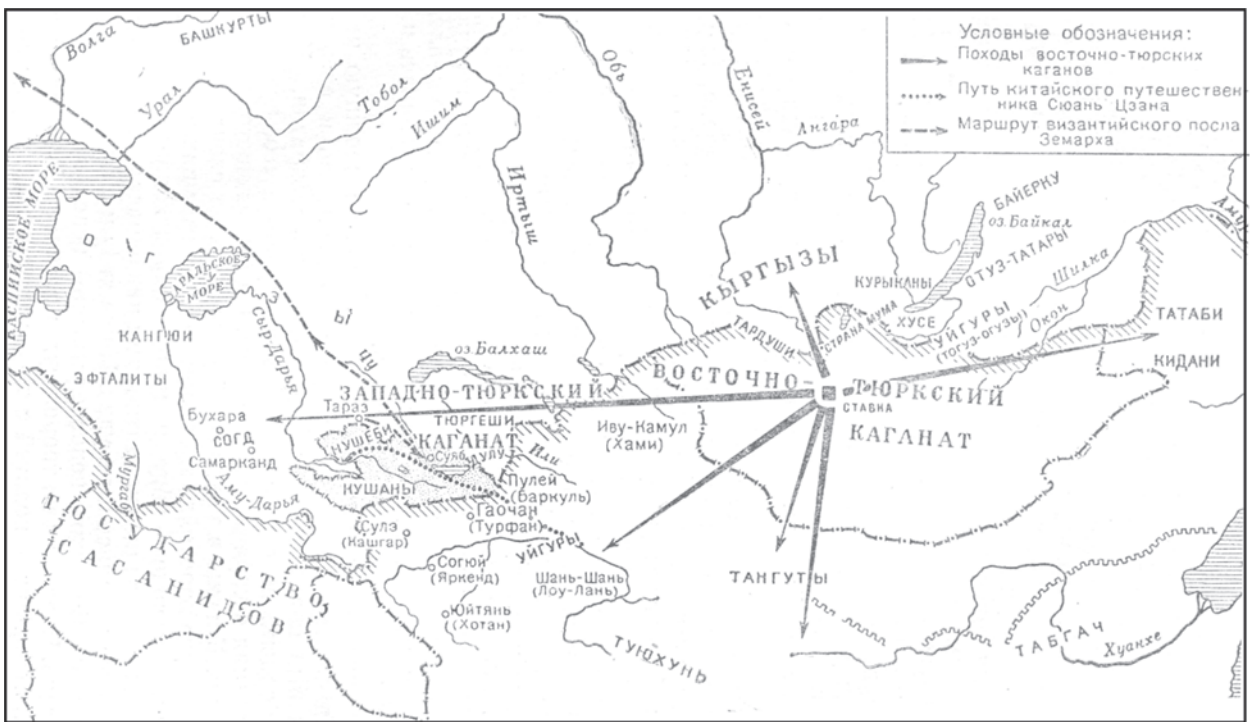

Рисунок 51 – Кыргызстан в VI–VIII вв.

повсеместно, родовые кладбища весьма значительных размеров ставились на зимовках, расположенных обычно у горных ущелий, в защищенных местах» [43, с. 36]. В горных местах, неудобных для длительного пребывания, имеются небольшие курганники, даже единичные, свидетельствующие о кратковременности здесь пребывания усуней.

Кроме скотоводства усуней занимались земледелием. «Прежде всего, этому противоречит (т.е. мнению об отсутствии земледелия – *И.Д.*) нахождение большого количества тяжелой и хрупкой глиняной посуды, мало употреблявшейся у народов, ведущих чисто скотоводческое кочевое хозяйство. Кроме того, о наличии земледелия говорят остатки обугленных зерен и шелухи от них, прилипших ко дну одного из сосудов, и находки в одной из могил жернова» – утверждают археологи М. Воеводский и М. Грязнов [71].

Остатки поселений усуньского периода были открыты в Чуйской долине археологом А.К. Абетековым: одно у с. Аламедин, к северу от г. Бишкек, второе – Карабалтинское, к северу от одноименного города.

Поселение усуньского времени выявлено на восточном берегу оз. Иссык-Куль в Тюпском заливе, где обнаружены крупные фрагменты хозяйственных сосудов. Найденная керамика имеет много общего с керамикой поселений усуньского времени в Чуйской долине.

Открытое в 1964 году поселение около с. Кара-Балта имело прямоугольную конфигурацию с ориентацией стен по сторонам света. От поселения сохранилось только одно округлое в плане помещение с размерами 5,2х4,4 м. По периметру помещения сохранились глиняные стены высотой 0,8 м и толщиной 0,6–0,7 м. Гладкая земляная поверхность пола имела небольшой уклон к центру жилища, где сохранились следы очага в виде слоя золы толщиной 8 см. По мнению А.К. Абетекова, в помещении жилища могли быть одна или две опоры для поддержания покрытия в виде шатрового купола и покрытое дерном или землей [5, с. 68–69; 266, с. 57].

Образец стационарного жилища усуней открыл археолог К.А. Акишев в восточном Семиречье Ак-Тас-II. Оно занимало более 3 200 кв. м. и включало в себя как жилые, так и подсобные помещения, примыкавшие друг к другу. «Довольно толстые стены всех жилых зданий сложены аккуратно, из подобранных камней с таким расчетом, чтобы внутри зимой сохранялось тепло. Судя по плану, снятому К.А. Акишевым, жилища были наземными, имели прямоугольную планировку и функционировали постоянно. Крыши этих домов, возможно, были плоскими, со слабыми скатами на обе стороны. Перекрывались они, видимо, бревнами, хворостом и засыпались сверху толстым слоем навоза и земли» [2, с. 137–138] (рисунки 52 и 53). Как видно из этого примера, стационарные поселения усуней в I–V вв. достигли достаточного уровня развития, что подтверждает мнение исследователей о принятии оседлого образа жизни части населения Семиречья. О географии и плотности расселения в долинах Чу, Таласа, Или, Иссык-Куля говорить трудно, т.к. еще нет достаточного археологического материала на этих территориях. На основе археологических открытий в разных местах Семиречья, А.К. Абетеков выводит три различных типа жилищ усуней:

- 1) Легкие жилища, юрты, шатры из войлока и дерева, приспособленные к кочевому укладу жизни.

- 2) Глинобитные дома с круглым основанием (типа шошала) – вероятно, сооружавшихся на временных стоянках, стойбищах.

- 3) Фундаментальные стационарные жилища для зимовки, типа сооружений на поселении Ак-Тас-II.

Кроме того, по его мнению, возможно существование еще одного типа жилищ – деревянных домов. Основанием для такого суждения служат бревенчатые срубы в захоронениях бесшатырского могильника. Как известно, конструкции захоронений зачастую повторяли

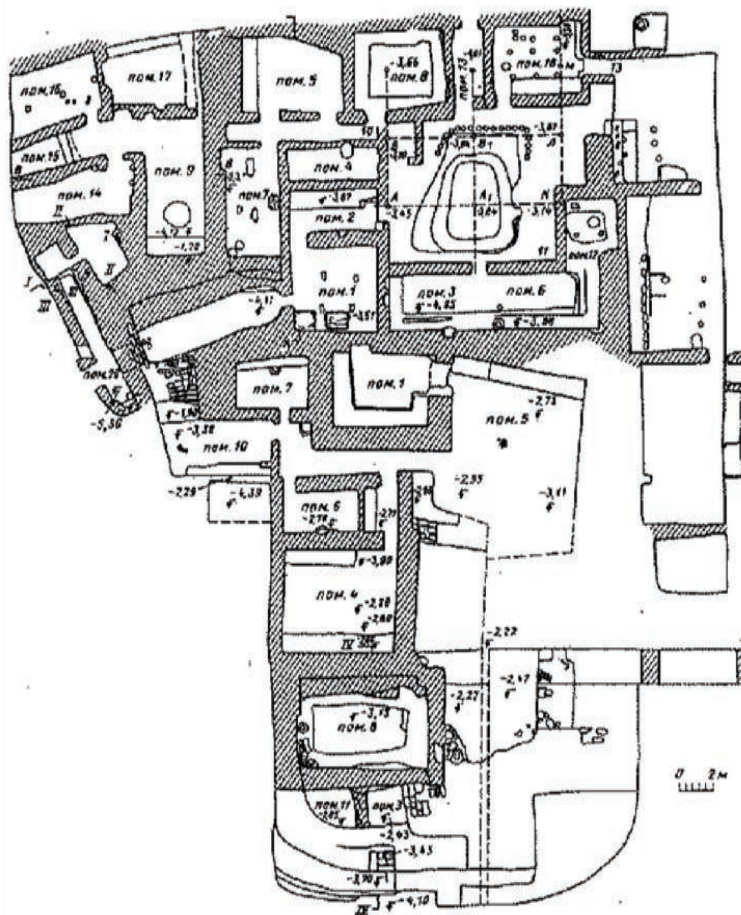

Рисунок 52 – Усадьба Кайрагач. План (по Г.А. Брыкиной)

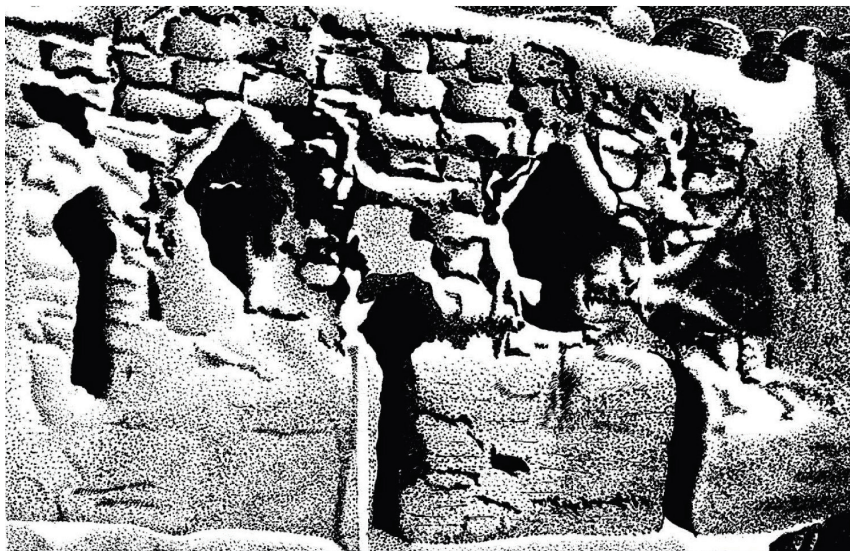

Рисунок 53 – Кайрагач. Бойница юго-восточной стены. I–IV вв.

конструкции жилищ, бытовавших одновременно в этот период. Такие жилища, естественно, могли иметь место в лесистых территориях Алтая, Южной Сибири и частично в высокогорных участках Тянь-Шаня.

К усуньским племенам относится поселение, открытое близ катакомбного могильника Алмалуу в Кетмень-Тюбе, а также поселения Кызыл-Курган, Дараут-Курган в Алайской долине и др.

Тем не менее, главными объектами усуней и саков, свидетельствующими об освоении пространств Кыргызстана, являются многочисленные курганы. Их расположение позволяет выделить районы, принадлежащие отдельным племенам усуней. Курганы усуней расположены компактными группами, вытянутыми в цепочку. Родовая знать выделяла свои курганы отдельными цепочками. Само расположение курганов наглядно показывает систему родовых и фамильных кладбищ – большие курганы часто бывают окружены серией малых, едва заметных на поверхности земли.

«Система расположения могильников свидетельствует о закреплении определенных участков территории за отдельными родами, причем распространение больших усуньских курганов четко ограничивает ряд территорий, находящихся во владении знатных родов. Таковы Алма-Атинская группа курганов, Беловодская, Буранинская, Чон-Кеминская, Североиссыккульская, Южноиссыккульская, Кочкорская. Все эти крупные районы, несомненно, принадлежат отдельным племенам усуней» [49, с. 241].

Таким образом, материалы археологии и письменные источники позволяют составить картину культурного ландшафта Кыргызстана конца первого тысячелетия до н.э. и начала I–IV вв. н.э.

В I–V вв. н.э. в кочевом мире Семиречья наступает новый этап, связанный с великим переселением народов (рисунки 50 и 51). Ведущая роль принадлежит племенам, названным археологами кенкольскими [42]. Могильник Кенкол, расположенный на левом берегу одноименной реки в Таласской долине, состоит из 100 курганов, половина которых была раскопана. В большинстве из них обнаружены катакомбные могилы. Памятники кенкольской культуры открыты в Чуйской и Кетмень-Тюбинской долинах, а также в Западной Фергане и Ташкентском оазисе, т.е. в разных районах Средней Азии.

Значительное число памятников кочевников Семиречья, Тянь-Шаня и Ферганы дополняются большим количеством местонахождений древних петроглифов. Искусство кочевников в повсеместно распространенных рисунках реально раскрывают мир их идеологических представлений.

Культура раннекочевнических обществ Кыргызстана показывает диапазон культурных связей этой эпохи. В первую очередь, культура кочевников Кыргызстана проявила локальные черты общих закономерностей, которые охватили в это время всю Евразийскую степь. Искусство и культура кочевников Семиречья и Тянь-Шаня рассматривается как местная своеобразная школа огромного скифо-сакского ареала звериного стиля. Раннекочевническая культура была обогащена традициями древнего Востока и эллинистического мира. Это влияние было взаимным. Искусство оседло-земледельческих культур испытали, в свою очередь, традиции кочевой культуры, свидетельством чему служат произведения Амударьинского клада из Бактрии.

В I–V вв. н.э. территории расселения кочевых, полукочевых и, частично, оседлых тюркских племен Кыргызстана начинают приобретать новые черты в связи с эмиграционными потоками из оседло-земледельческих центров Средней Азии (рисунки 50 и 51). Они, в свою очередь, представляют следствие процесса Великого переселения народов, происходящего в это же время, главный поток которых был направлен в обратную сторону – на

юго-запад Средней Азии. Жители Согдианы в поисках новых свободных земель, торговых коридоров, а также из-за социально-экономической ситуации того времени у себя в стране устремлялись на восток – Семиречье, Восточный Туркестан. Причины эти неоднократно отмечались Л. Марквартом и были названы им «тиранией Аброя». «Согдийцы могли попасть в Семиречье в качестве военнопленных во время походов тюрок в Согд, например, тюркского кагана Яньду (конец VI в.) или Мочжо (нач. VIII в.)» [49, с. 70; 368, с. 146, 148–149].

Многочисленные памятники раннекочевнической культуры Семиречья и Тянь-Шаня – могильники, курганы, петроглифы, святилища, поселения, клады наглядно демонстрируют широкое освоение пространств не только долинных участков Кыргызстана, но и его высокогорных районов. Памятники раннекочевой культуры можно рассматривать с точки зрения освоения пространства Семиречья и Тянь-Шаня с двух позиций: как своего рода знаки, объединяющие территории в ареалах пребывания той или иной культуры, и как пространственные ориентиры, как маркировка и акценты при движении по огромным горным территориям [89, с. 13; 261, с. 68–69].

Коридоры, или пути движения кочевых племен Кыргызстана, обозначенные курганными захоронениями саков, усуней, гуннов, способствовали обживанию, освоению пространства, формированию пространственных ориентиров как для самих кочевников, так и для других племен и народов, населявших эти территории впоследствии. Происходила постепенная стабилизация территориального заселения Кыргызстана в процессе оседания кочевников, особенно усуней, хотя процесс и носил очаговый характер. Но четко сложившейся системы расселения в территориях заселенными полукочевыми племенами в этот период пока не выявлено.

Данные археологии, характеризующие этапы освоения территории в древнейший и древний период, подтверждают вывод о соответствии образа жизни способу формирования искусственной среды обитания, начиная от простейших структур поселений (палеолитических, мезолитических, неолитических стоянок), до поселений, имеющих дифференцированную пространственную организацию среды.

При выборе территорий для заселения на ранних стадиях древнейшего периода, первобытные люди неоднократно использовали отдельные участки для последующих поселений, т.е. отмечается многократное использование наиболее выгодных участков.

Необходимо отметить, что основным принципом при освоении пространства на том этапе является приспособление и учет ландшафтных особенностей в условиях кочевого, полукочевого и оседлого образа жизни. Устойчивости и расширению границ ареалов расселения, а также созданию форм поселений в соответствии с ландшафтными условиями, социальной организации, материальной культуре способствует устойчивая стабилизация природно-климатических условий. Природно-климатические условия, воздействовавшие на население в процессе выживания и освоения, способствовали также выработке мировоззрения древних обитателей страны.

Большое количество памятников археологии и их описание доказывают, что выбор особенностей ландшафта – рельефа местности, наличие природных и водных ресурсов – становится осознанной чертой процесса расселения на всех стадиях от древнейшего до древнего периодов. При этом идет развитие от простейших приспособлений отдельных природных особенностей (гроты, пещеры, источники) для проживания до использования характеристик рельефа местности (терраса, адыры, ущелья, возвышенности, плато) и поймы рек, овраги для защиты поселений (рисунок 54).

Использование ландшафта человеком, освоение природного рельефа и источников воды при заселении – закономерное явление процесса освоения пространства Кыргызстана

Рисунок 54 – План города Ош

с древнейших времен до раннего средневековья [250, с. 85–93]. На территории Кыргызстана в результате заселения и строительной деятельности на них выявились освоенные участки в виде культурного ландшафта и коммуникационных связей. Направление коммуникационных связей имело ориентацию с северо-запада на юго-восток в ранние периоды, которое затем переходит с юга на север и востока на юго-запад и т.д. Направления передвижений кочевников обозначаются путями кочевников – поселениями (стойбища, городища), курганами, тюркскими изваяниями. Курганы, разные по величине, от огромных (10–15 м высоты и 100–150 м в диаметре) до небольших (1–2 м высоты и 10–15 м в диаметре), тюркские изваяния, оградки на могилах становятся ориентирами, акцентами, т. е. своего рода замаркированными элементами горно-степных пространств в условиях нетронутых природных ландшафтов [221, с. 109].

Все вышеуказанные особенности способствуют выбору территорий проживания земледельцев и скотоводов в процессе взаимодействия и взаимовлияния кочевых и оседло-земледельческих культур, проявившихся в рождении различных форм поселений, их функционального зонирования, сложению и взаимопроникновению элементов и форм мемориальных сооружений.

3.2. Средневековый этап освоения территорий, архитектура государственных образований. Военно-политический, этнический, конфессиональный и культурный факторы и их влияние

Вторая половина I тысячелетия, т.е. время сложения и развития древнетюркских каганатов на огромной территории Южной Сибири, Казахстана, Центральной Азии, традиционно принято считать древнетюркской эпохой. Тюркский каганат стал первым евразийским государством, охватившим территории от Хингана до Азовского моря. Границы первой тюркской державы сомкнулись на западе с Византией, на юге – с Персией, с Китаем – на Востоке. Разгромив Северо-Китайские царства и эфталитов, объединив степи и оазисы Средней Азии, тюрки сумели добиться политического господства и экономического могущества. Тюркский каганат стал связующим звеном четырех цивилизаций древности.

Это было время конфронтации и экспансии, поглощения и взаимовлияния, взаимодействия и синтеза культур. По образному выражению Д.Синора, Азия того времени стала «тем огромным котлом, в котором плавилась различные элементы, различного происхождения, получившие оттенок специфических черт тюркской цивилизации». [235, с.85]

Процесс освоения территорий и развития зодчества происходил на разных географических территориях Кыргызстана в различных условиях, с такими внешними факторами, как влияние Согда, Китая. В рамках тюркешского каганата, как наследника тюркского

каганата на востоке Средней Азии, завершался процесс становления классов и классового общества в кочевой среде. «Внутри тюркских государств в VI–X вв. реализуется подготовленный веками предшествующего развития процесс становления раннефеодальных отношений, сочетавшихся с сохранением форм, характерных для периода военной демократии» [346, с. 219]. Основным, с точки зрения освоения пространств Кыргызстана, содержанием военно-политических, экономических и других процессов было сосуществование кочевого и оседлого образа жизни, что приводило к интеграции отдельных культур и территорий их происхождения.

Создание тюркского, затем Западно-Тюркского, Тюркешского, Караханидского каганатов государства кыргызов являются примером интегрального процесса. Западно-тюркский каганат, созданный после официального разделения в 603 году на Восточный и Западный, продолжил экспансию предшественника. При правлении Тон-джабгу кагана (618–630 гг.) тюрки продолжили успешные завоевательные походы. Они подчинили себе Афганистан, Северную Индию, Кавказ. Столицей обширного государства был Суяб (в настоящее время городище Ак-Бешим). Этому городу судьба уготовила стать центром и свидетелем многих исторических событий периода тюркских государств.

В V–VI вв. в поселениях Семиречья появляются согдийцы, эмиграционный процесс которых в долины Чу, Таласа, Прииссыккулье, Восточный Туркестан начался, как отмечено в предыдущей главе, в I–V вв. Первые сведения о согдийцах в Семиречье содержится в сообщении Менандра о посольстве Земарха к западно-тюркскому кагану Истеми в 568 году.

Через 60 лет после Земарха, Чуйскую долину посещает буддийский монах Сюань Цзань, оставивший описание кагана Тон-джабгу. Он же оставил сведения и о поселениях: «Пройдя более 50 ли на северо-запад от Призрачного озера (Иссык-Куль) прибыли в г. Суй-е (Суяб). Этот город в окружении 6–7 ли, в нем смешанно живут торговцы из разных стран и согдийцы. Прямо на запад от Суй-е находятся несколько десятков единичных городов и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам» [346, с. 229; 38, с. 61].

Процесс эмиграции согдийцев в Семиречье не был односторонним. Как известно в VI–VII вв. происходила вторая волна заселения тюркскими племенами оазисов Средней Азии (рисунок 55).

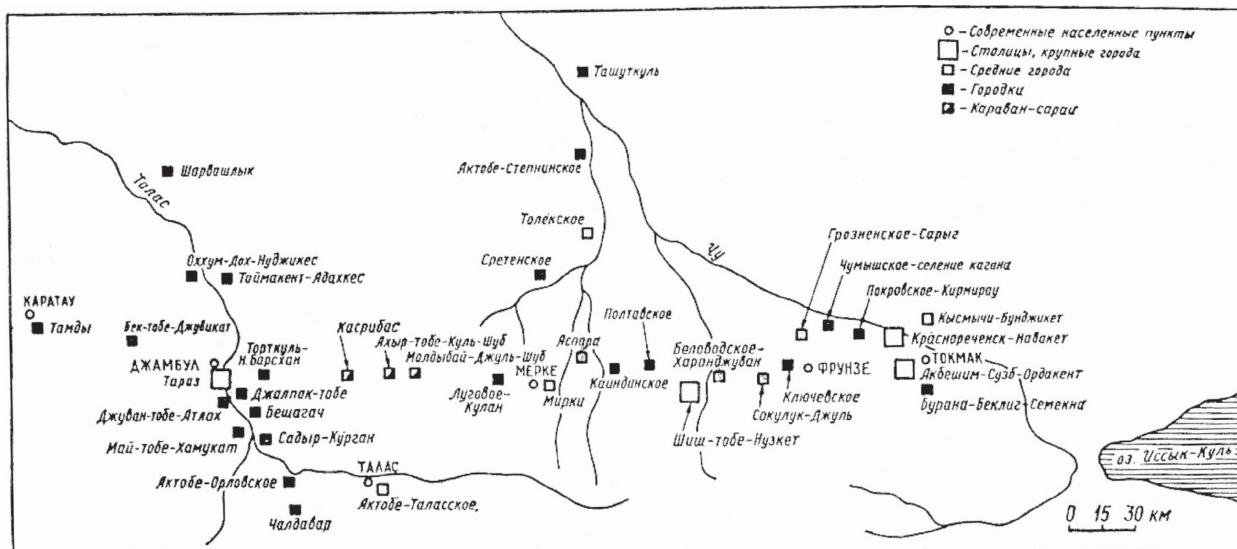

Рисунок 55 – Расположение городов юго-западного Семиречья в VII-первой половине IX в. (по К. Байпакову)

В начале VIII в. к власти в Семиречье приходит тюркешская династия, основавшая свой каганат. Главная ставка тюркешей находилась также в Суябе. (т. 2, с. 28). В 748 году танские войска временно захватили Суяб. Это один из эпизодов многочисленных попыток захвата Средней Азии китайцами с востока и арабами с юго-запада. Спор китайцев и арабов за свои интересы в Средней Азии был разрешен в 751 году на р. Талас близ города Атлах [43, с. 68].

Битва между китайцами с одной стороны, и арабами с карлуками, с другой стороны, завершилась поражением танских войск. После этого поражения китайцы не появлялись у границ Средней Азии почти тысячу лет.

К этому времени Фергана полностью находилась под властью тюркских племен. Сложение раннефеодальных отношений в Фергане в VI–VIII веках отмечено появлением новых типов поселений. Появляются многочисленные замки и крепости тюркских и местных феодалов, которые служили для охраны земледельческих оазисов. В этот период началось возрождение городских поселений в виде раннефеодальных городов, становившихся центрами торговой и ремесленной жизни (рисунки 56, 57) [214, с. 1–4].

Особенно активный процесс урбанизации Средней Азии начал проявляться с середины VIII века после пережитых последствий арабского завоевания [206, с. 3–6].

Средняя Азия, войдя в состав арабского халифата, стала развиваться в орбите международной торговли, культурных связей, что отразилось в быстром подъеме производительных сил, росте ремесел и городских поселений.

В активном процессе урбанизации Средней Азии участвуют в северо-восточных районах Средней Азии – Фергана, Чуйская и Таласская долины, Иссык-Кульская котловина. Чуть позже расширяются поселения в Кетмень-Тюбинской долине и внутреннем Тянь-Шане.

Наибольший расцвет городская культура тюркских государств на территории Кыргызстана получила в Чу-Таласском регионе. В арабо-персидских и китайских источниках достаточно подробно изложена информация о городских и сельских поселениях Кыргызстана, которые порой противоречат друг другу относительно локализации и названий городов. Однако все они вместе свидетельствуют о развитой городской культуре средневекового Кыргызстана. Археологические же исследования, несмотря на свою фрагментарность и недостаточность, подтверждают информацию авторов X–XII вв. о высокой материальной культуре населения, как итог культурного синтеза различных цивилизаций переплетенных здесь (рисунок 58). Интеграционные процессы, протекавшие в государственных образованиях тюркского мира при участии ирано-язычного компонента, стали катализатором общественно-политического, культурно-идеологического и социально-экономического развития регионов Кыргызстана, вершиной которого является Караханидский каганат X–XII вв. [278, с. 14–17].

Эпоха караханидов в Средней Азии является ярким примером отражения процессов взаимовлияния и взаимообобщения народов, оставивших общее культурное достояние, значение и опыт которого еще не в полной мере оценены, а порой укоренились односторонние взгляды на процессы формирования городской культуры. Вряд ли уместно, например, однозначное определение «согдийские города» Чуйской долины, где политически господствовало, во много раз численно превосходило тюркское население [370].

Достаточно убедительно об этом говорит Е.И. Агеева. По ее мнению, средневековые замки, появившиеся в VI–VIII вв. в оазисах Исфиджаба и Тараза, нельзя считать однозначно «согдийскими», так как такого же стиля замки позже были открыты в Хорезме, Тохаристане, Восточном Туркестане, Афганистане, и поэтому «не составляли особой монополии на одного из земледельческих народов Средней и Центральной Азии» [10, с. 56]. Далее, она же пишет: «Если вопрос о строительстве этого типа усадеб не может быть решен в пользу выходцев одного из района Средней Азии, то вопрос об этнической принадлежности его

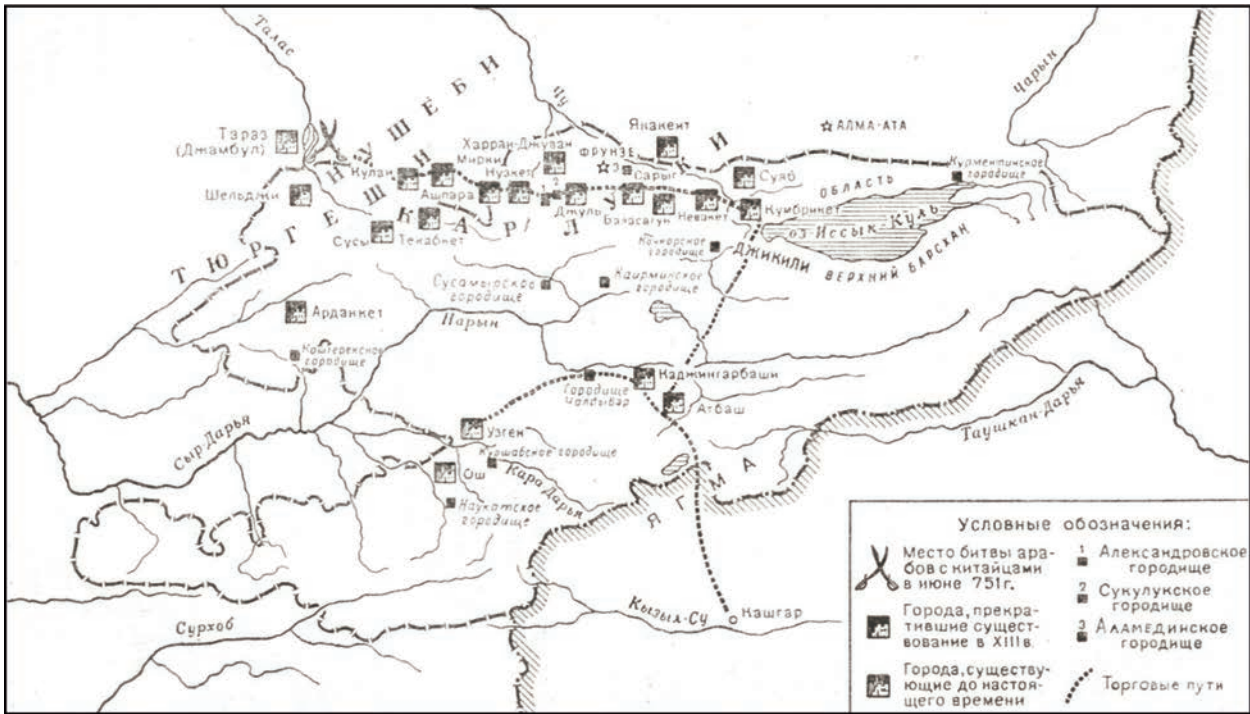
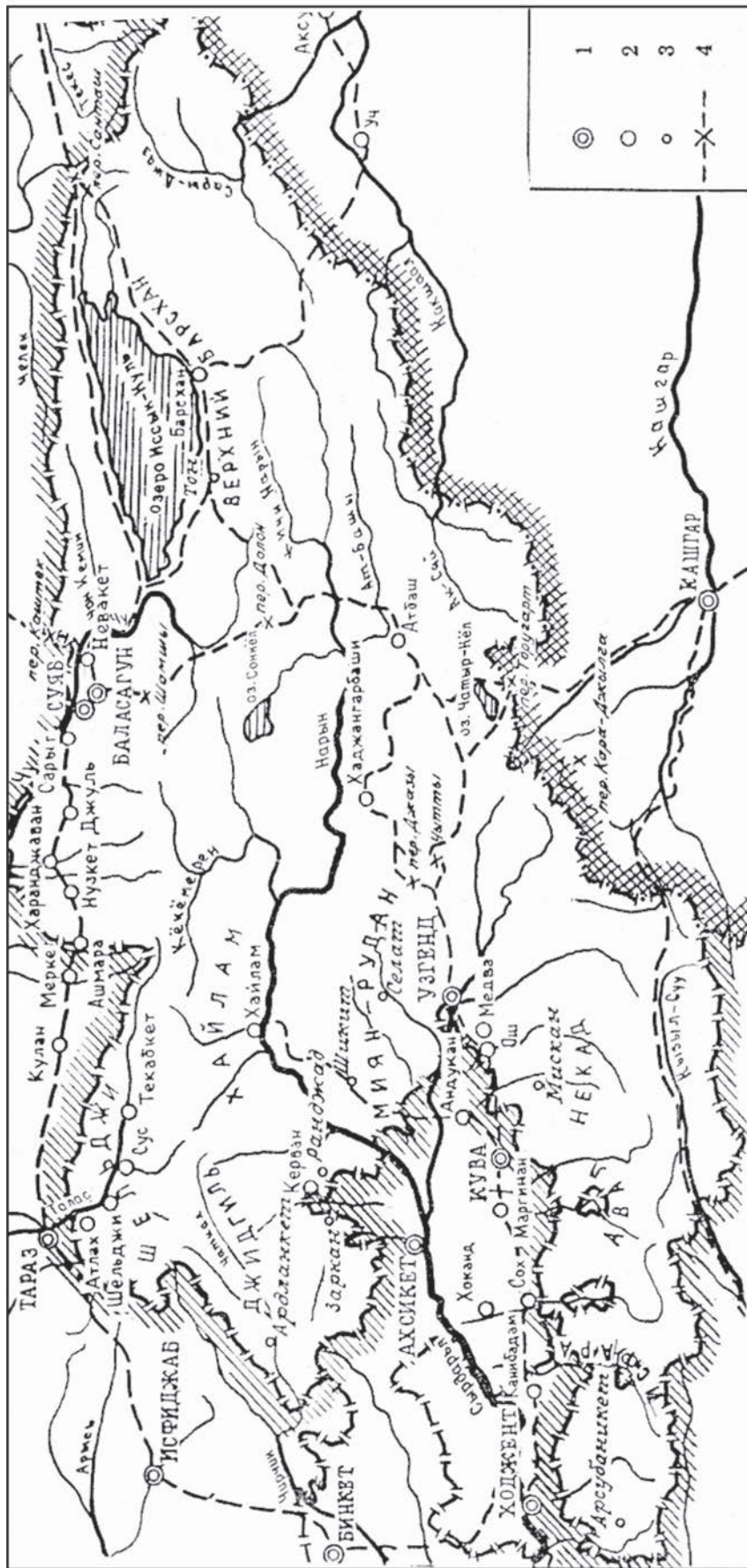

Рисунок 56 – Кыргызстан в VII–X вв.

Рисунок 57 – Кыргызстан в X–XII вв.

1 — центры областей и крупных округов; 2 — прочие города и населенные пункты; 3 — города и населенные пункты, нанесенные предположительно; 4 — основные караванные пути и перевалы.

Рисунок 58 – Кыргызстан в XI–XII вв. (по С. Умуракову)

обитателей тем более не может быть решен односторонне, в смысле признания всех владельцев этих усадеб согдийцами». Как известно, город Тараз и его округа составляли единое историко-культурное пространство с городами Чуйской и Илийской долин.

Отличительной чертой Чуйских поселений, как известно, является сосуществование различных этнических [64, с. 127–136] представителей разных культур и цивилизаций. Разноэтничный характер населения средневековых городов Кыргызстана обусловлен историческими процессами перемещения тюркоязычных племен, главным из которых является эпоха великого переселения народов (I–IV вв.), повлекшего за собой крупные политические, социально-экономические и этнические изменения. Полиэтническое население городов Чуйской, Таласской, Ферганской долин в VIII–X вв. в немалой степени обязано проходившим здесь издревле торговым и культурным коридорам Великого Шелкового пути.

Как отмечено в предыдущих главах, в VIII–X вв. в Кыргызстане, как и повсеместно в Средней Азии, складывались благоприятные условия для развития феодальных отношений, что в свою очередь определило повсеместный рост городских и сельских поселений. Наибольшее развитие городское строительство получило в Чуйской и Таласской долинах. Развитая сеть городов сложилась и на юго-востоке Иссык-Кульской котловины, в том числе в Верхнем Барсхане. Традиционно развитое городское строительство Ферганской части Юга Кыргызстана также начало заново набирать силу. В этот период уже существуют и продолжают появляться поселения в Кетмень-Тюбинской и Чаткальской долинах, исторически связанных с Ферганой. Укрепленные поселения строятся и в Центральном Тянь-Шане. Атбаш, Таш-Рабат, Кошой-Коргон, Кочкор-Башы, Мынакельды [168, с. 60–62] и др. относятся к наиболее развитым из них (рисунок 59).

В планировке и месте расположения средневековых городищ Ошской области исследователи отмечают некоторую особенность. Для лучшей обороны города часто располагали на адырах (холмах). Занимая всю площадку холма, отделенного от другого сая, они членились на несколько обособленных частей. В этих случаях городище как бы состояло из нескольких шахристанов. Например, в Узгене наблюдается разделение адырами на три шахристана [49, с. 263–268; 125, с. 17–20].

Эта расчлененность характерна для Оша и для Узгена. Из-за этой особенности очень затруднительным представляется исследование древних городищ, в виду того, что поздние наслоения перекрыли нижние слои. Ош, как и Узген, считался «пограничным городом», и по величине был третьим городом Ферганы. Узген же IX–X веков равнялся 2/3 города Ош. Эти города имели цитадель, шахристан и рабад, были обнесены стенами. Город Узген находился на важной дороге, соединявшей Фергану через перевал Яссы и Кугарт с Тянь-Шанем, в частности, с городом Атбаш.

С XI века Узген становится столицей Ферганы. Он стоит на самом берегу р. Кара-Дарья, на огромном холме, искусно подрезанном у основания и имеющем по подошве примерно 500 м в стороне. Имеет вид усеченной четырехгранной пирамиды, ориентированной сторонами основания по странам света, вытянуто с юга на север (400x280 м). Северная часть городища (Шахристан I) не имеет следов застройки, северная стена имеет мощные боевые сооружения стен и ворот. Средняя и южная (Шахристан II и III) части имеют следы богатого культурного слоя, свидетельствующие о густой заселенности этой территории. Со всех сторон крутые (с наклоном пандусов в 60°) стены, сложенные из пахсы и сырцового кирпича [49, с. 161–162].

К периоду XIII–XVI вв. Фергана становится провинцией Средней Азии в виду того, что она стала раздробленной, потеряла свое политическое значение, здесь отсутствовала единая централизованная власть (рисунки 60–65) [49, с. 272–275].

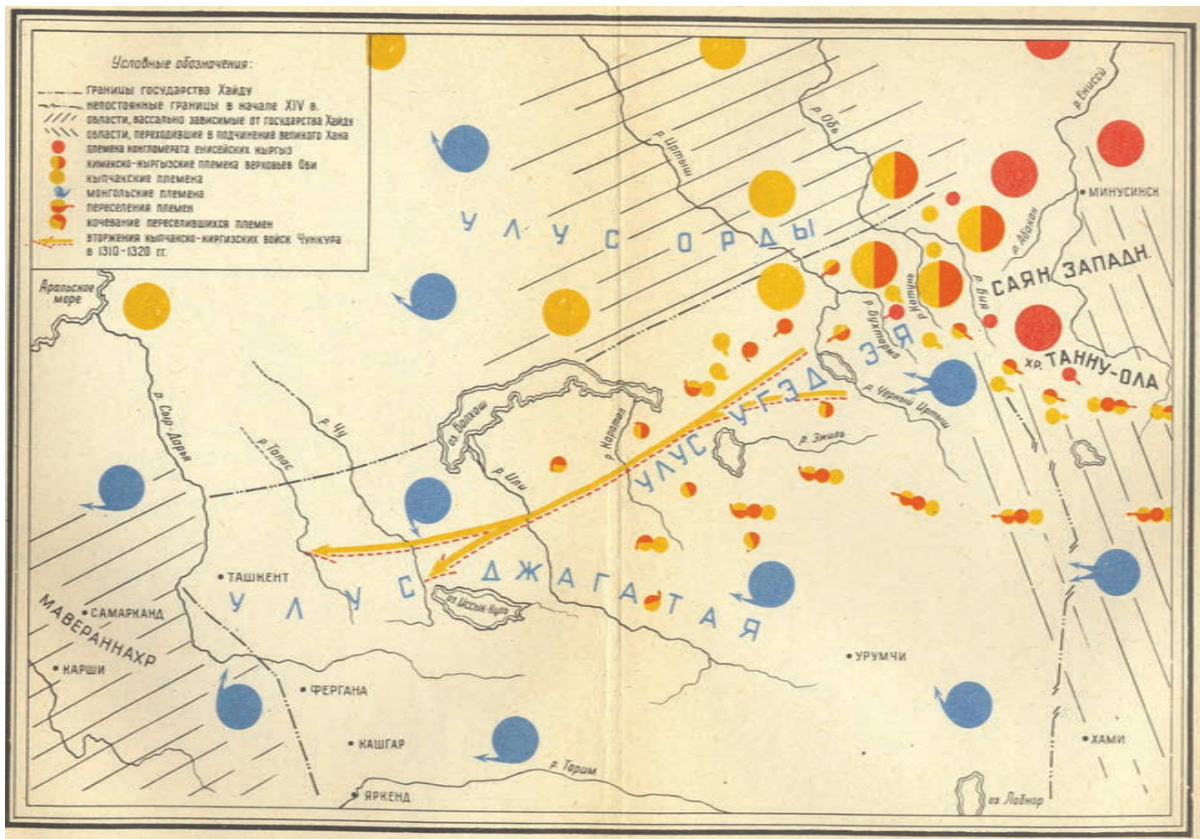

Рисунок 59 – Государственные объединения на Тянь-Шане в XIII вв.

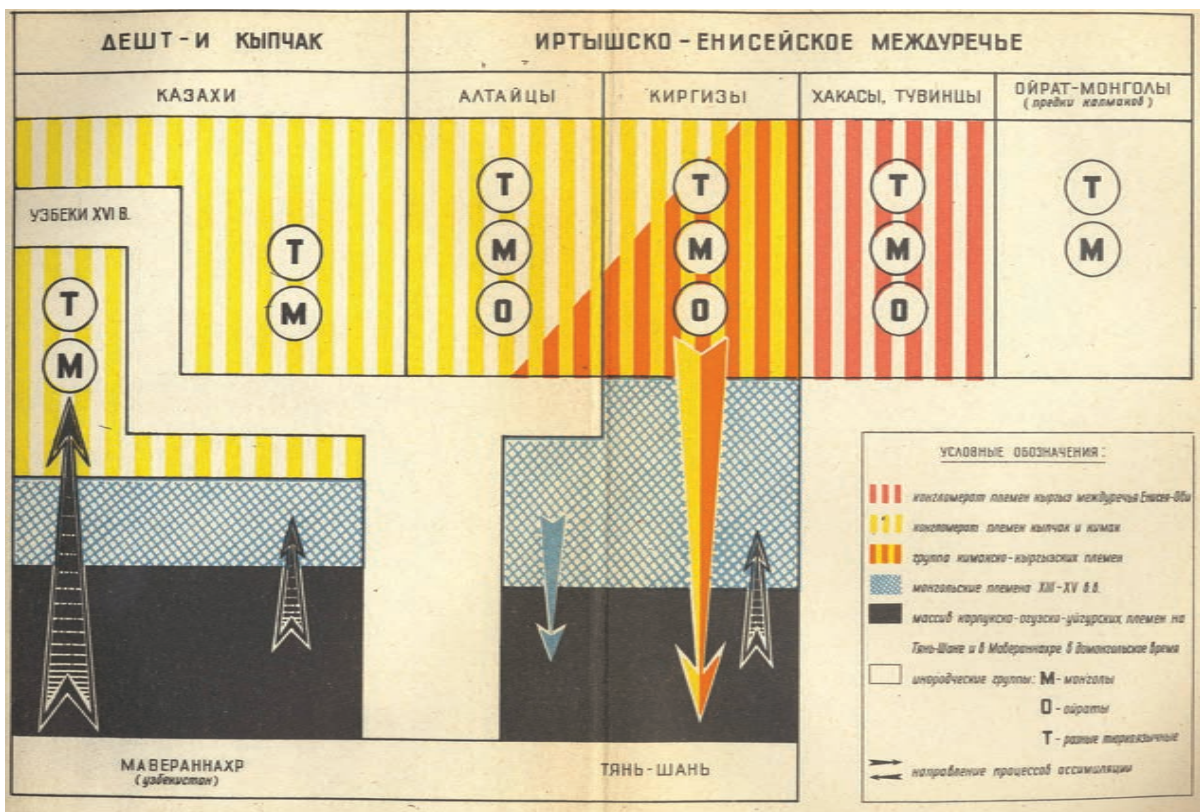

Рисунок 60 – Сравнительная схема этногенеза киргизов и других народностей в XIII-XV вв.